

Алексей Федоров

16+

ОТКРОЙ
ДВЕРЬ

Алексей Федоров

Открой дверь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67298012

SelfPub; 2022

Аннотация

Частному детективу Тобиасу Криту не впервой сталкиваться с запутанными делами и работать под прикрытием. Но в научно-исследовательский институт его заносит первый раз в жизни. Распутать клубок событий мешают исчезающие друг за другом свидетели, подозрительно долго живущие фигуранты дела и неизвестные провожатые на тонированных иномарках. След приводит Тобиаса в маленький северный городок, отрезанный от остальной страны поднявшейся снежной бурей. Успеет ли слежка отрезать детектива от разгадки, и удастся ли ему разобраться во всем, пока город окончательно не накрыло снегопадом, и с чем связана его внезапно возникшая регенерация тканей? Разобраться во всем этом можно вместе с самим Тобиасом на страницах произведения.

Алексей Федоров

Открой дверь

Глава 1. В начале был звонок.

Самое приятное зрелище на свете – один человек срывает голосовые связки на второго. Особенно приятно, когда ты понятия не имеешь, о чем спор, кто спорит и чем все закончится. Оно и не важно, главное – получить удовольствие от процесса наблюдения!

– Никогда такого не было и вот снова! Так тебя понимать? Что? Снова масоны? Или иллюминаты? Что ты мне голову морочишь?! – один из стариков замахнулся тростью на столь же дряхлого собеседника. Дальше замаха дело не пошло, видимо, мои обнаженные в довольной улыбке зубы отразили тусклый свет ламп в углах между стенами и потолком. А может, они слышали мои шаги, гулко отражающихся от покрытыми голубоватой плиткой стен коридора.

– А! Мистер Крит, добро пожаловать в храм науки нашей великой страны! – старик с тростью протянул мне руку для приветствия. – Как доехали?

– Прошу вас, профессора, можно просто Тоби, – я пожал руки обоим старикам. – Доехал... ну, пожалуй, слово «нормально», как нельзя лучше описывает мое короткое путеше-

ствие! – я улыбнулся обоим, они лишь понимающе кивнули. Строго говоря, доехал я даже хорошо, люблю поездки на поездах, готов хоть неделю ехать, так что путешествие в восемь часов в ритмично трясущемся вагоне, напротив окошка и один на один со своими мыслями стали для меня истинным удовольствием. Причиной моего короткого, но обещающего быть продуктивным, путешествия стал ранний звонок восемь дней назад. Интересно то, что звонок пришел на мой мобильный, а не на рабочий, значит рекомендовал кто-то из бывших клиентов. Звонок не разбудил меня, но сознание до конца еще не проснулось. По этой причине, наверное, я и не мог определить, с которым из двух стариков, что стоят напротив меня, я говорил по телефону.

Причин пораскинуть мозгами было множество. Во-первых, звонок ранний, звонил старик, говорил четко и ясно, будто читал с листочка (а может и правда читал). Его голос был поставлен, но будто ему самому было всегда скучно говорить с кем-то кроме самого себя. Во-вторых, его просьба, конечно, не была чем-то неосуществимым, но и не входила в рамки обычной моей работы. Он сказал, что его коллеги начали пропадать, некоторых никто не видел уже по несколько недель. В какой-то момент разговора у меня появилось ощущение, будто старик что-то хотел сказать, но словно оступился, повисла пауза, длиною в три секунды, и разговор снова продолжился. Мне было предложено приехать по определенному адресу, чтобы уточнить все детали, а также предложить

свой план действий. Я не стал спорить, лишь сказал, что смогу приехать через неделю. Он ответил согласием, только добавил, на всякий случай взять побольше вещей. Если я соглашусь, то мне придется задержаться в городе надолго. В третьих, и это сбило меня с толку сильнее всего, я назвал им свои расценки, в трубке послышался короткий смешок: «Да, мистер Крит, цифра, которую вы озвучили за сутки своей выездной работы нас не устраивает. Вы получите оплату по вашему тарифу за трое суток, если просто приедете к нам на встречу. А на ней мы обсудим истинное положение дел, пока про все деньги я говорить не буду, но Вас все должно устроить!»

На этом беседа прервалась, а я еще около минуты просидел с телефоном у щеки и второпях записывал все детали разговора, которые пока не успел забыть. Пусть некоторые детали успели ускользнуть, но запомнил я практически все. Тем не менее, когда я приехал в свой офис, уселся за широкий деревянный стол, на жесткий стул с прямой спинкой, развернул салфетку, которая утром послужила мне моей записной книжкой, и переписал все в большой блокнот. Почти к каждой сточке разговора мной была добавлена заметка, которая отражала мои мысли по ее поводу. Например, о своем собеседнике я мог сказать, что он человек преклонного возраста, от 65 до 80 лет, вероятнее всего занимает руководящую должность, или просто привык командовать людьми. Чуть позже, после короткого запроса в поисковике браузера,

выяснилось, что адрес, который мне дал старик, принадлежит одному из самых значительных и древних научных заведений страны. Узнав это, я сделал вывод о том, что звонивший скорее всего является профессором в этом институте, возможно, если и не заправляет какой-то кафедрой, то уж точно заведует лабораторией. Конечно же, на сайте этого института я нашел около двух десятков очень подходящих стариканов. Всем известно, что из наших НИИ уходят только вперед ногами, и чаще всего от старости. К слову, я заметил, что в институте нехилая такая текучка кадров, да, пусть и медленная, но каждый год они брали двух-трех новых сотрудников. Институт не успевал разрастаться, но и затухнуть у него не получалось, ибо, как и свежая кровь разбавляла коллектив, так старики не сильно задерживались – с регулярностью в полгода-год в ленте новостей прибавлялось ушедших на тот свет престарелых докторов-профессоров-деканов. Никогда особенно их не понимал, ученых этих. Ладно, пусть старики возьмется с наукой, ну вот нравится им пробирками звенеть, кнопки нажимать, да на ножки студенток пялиться. Но вот молодежь?! Ну как у здоровой 25-30-летней девушки появляется желание киснуть в старых лабораториях, посвящая свою жизнь написанию трудов и ковырянию в носу?

– Вот и славно, уважаемый! Проследуем в мой кабинет? Он более удобен для разговоров, чем кабинеты начальств. – профессор тростью указал на конец коридора, где темнела

дверь, обитая кожей.

– Ага, значит не Вы начальство?

– С чего Вы так подумали, мистер Крит? – старик, опершись на трость, по какой-то причине очень серьезным взглядом посмотрел мне в лицо.

– Честно говоря, я посмотрел в интернете историю вашего заведения, и узнал в Вас бывшего директора. Как известно, молодые директора институтов чаще всего во всем зависимы от мнения своих предшественников, а Вы, так сказать, серый кардинал.

– Вы проницательны, мистер Крит. – по лицу скользнула стариковская улыбка.

– Прошу, просто Тоби, господин Кардинал. – тут уже настало время улыбнуться мне, профессор же позволил себе короткий смешок и молча открыл дверь своего кабинета.

Внутри царил полумрак, пронизанный редкими солнечными лучами, которые пробивались сквозь плотные красные шторы. В тонких полосках света суетились пылинки, раздраженные резким потоком воздуха из-за открывшейся двери. Казалось, будто кабинетом пользовались в последний раз чуть ли ни десятилетие тому назад: пыльные книги в разноцветных переплетах, запыленные же столы и папки. Только один стол – хозяина кабинета – был чист, а на столе еще дымился чай в красной керамической кружке. Профессор включил свет, и кабинет мигом приобрел обжитой и уютный вид.

– Если бы, Тоби, все было так, как Вы говорите... Нынче молодежь не советуется со стариками, порой я загривком чую их пренебрежительные взгляды. Будто мы мусор в столе, который жалко вынести на помойку, может, пригодится еще. Ха! – профессор снял очки и помял пальцами переносицу.

– Наверное, в этом и заключается эволюция общества: времена меняются, жизнь тоже поменяла свои течения, наверное, нужно это принять.

– Вы, конечно, правы, Тоби! – профессор резко сделал шаг к своему столу, повернул кресло, сел в него и развернулся спиной ко мне. – Но это не повод пренебрегать нашим опытом.

– Профессор, не обессудьте, не хотел Вас обидеть! Честное слово... – я было хотел начать извиняться, но старик уже развернулся в своем кресле и на лице не было ни капли того гнева.

– Все хорошо, Тоби, давайте о деле, – я понял, что меня призаткнули. – Садитесь, пожалуйста. – старик указал на простой стул около своего стола.

– Конечно.

– Как Вы поняли из короткого разговора с моим коллегой дело непростое. Начальство не хочет делать никаких заявлений, не идет в полицию. Родственники моих друзей и коллег сами обращались в органы. Ответ един – старики гуляли, из-за маразма, старости и других вариаций забывали дорогу домой, терялись и умирали под именами неизвестных в много-

численных больницах нашей Родины.

– Полиция игнорирует запросы? А другие? Служба спасения, прокуратура, да хоть профсоюзы!

– В том-то и дело. Число пропавших за последние два года выросло до восьми человек, но дело в том, что некоторые из них брали отпуска или больничные, что им не свойственно. По этой причине сложно сказать, даже в точности до недели, когда именно они пропали из поля зрения.

– Почему Вы наняли меня только сейчас? Исчезновения начали учащаться? И, простите, конечно, но даже аванс за мою работу, как мне кажется, не по карману двум ученым, даже профессорам.

– Отвечу на все Ваши вопросы! Первое, нет, коллеги мои пропадают без какой-либо закономерности. Иногда по двое за месяц, иногда – раз в полгода. Последние двое: доктора наук, оба профессора, один даже академик, с разницей в неделю – 15 и 8 дней тому назад соответственно. Почему только сейчас появилось желание обратиться к Вам? Да все просто, банально лопнуло терпение. До последнего мы надеялись, что Государство поможет нам. Ведь и пропавшие не последние люди в науке, и мы не абы кто. – старик потер переносицу костяшкой указательного пальца. – Второе, деньги. Научное сообщество обширно, нас, стариков-ученых, довольно много, и у нас есть сбережения, вклады и патенты, с которых капает копеечка-другая. Еще вопросы?

– Да! Что Вы хотите конкретно от меня? Чтобы я нашел

ваших коллег? Чтобы я нашел похитителя или похитителей? Чтобы я передал их закону? Или оставил вам?

– Всего понемногу. Мои друзья стары, как и я. И боюсь, они не смогут пережить условия, в которых их могут содержать. По этой причине, я не рассчитываю на возвращение всех моих коллег. Однако, я не хочу терять еще больше своих друзей. Причина меня тоже меня очень интересует. Почему кто-то охотится на нас, как зверь, загоняет самых слабых в обществе, но выборочно: мы проверили в Сети: исчезло только три человека подходящего возраста, один из которых, возможно, заблудился в пещере на курорте, а другой – иностранец, который решил изучить все уголки огромной страны. Видимо, зашел не в ту деревню.

– Хорошо, я Вас понял. Мне нужны все возможные улики, все документы, последние научные работы и лабораторные журналы ваших коллег. Сможете обеспечить доступ к бухгалтерии и личным делам института? Мне будет необходимо побеседовать с сотрудниками. Как Вы хотите это устроить?

– О! Не волнуйтесь. У меня есть отличная идея!

– Какая же? Не важно, как Вы достанете деньги, но сколько Вы собираетесь мне платить? Судя по всему, мне придется работать долго. – мне было стыдно просить у старика деньги, он действительно грустил и переживал за своих пропавших друзей, но и за тех коллег, кто еще бодро ходил в институт каждый день.

– Вы будете у нас работать, мистер Крит, под прикрыти-

ем, конечно. Остались некоторые связи, и вы очень хорошо впишетесь в отдел кадров нашего НИИ.

– Вы смеетесь надо мной? – ото всей моей предыдущей учтивости не осталось и следа. – Я готов был сделать Вам скидку, так как требовать с вас всех моих обычных денег мне не позволяет совесть, но я не готов трудиться за копейки, так еще и работать в отделе кадров!

– По случайной ошибке бухгалтерии, в которой работает столь же заинтересованная в нашем маленьком расследовании моя старая подруга, Вы будете получать на один ноль больше. Эта сумма покроет две трети вашего тарифа. Это раз! Во-вторых, каждую неделю я буду выплачивать Вам некоторую сумму, если результаты Ваших трудов будут показательными. Для начала, у Вас есть аванс и оплата за первую неделю работы. – старик достал из верхнего ящика стола толстый конверт. – Как мы и договаривались!

Я быстро оценил пачку купюр в конверте – мой обычный аванс и еще столько же только за первую неделю гипотетической работы. Неплохо! А ведь еще и официальная зарплата. Могучий дед! Я встал со стула, протянул руку, и сказал:

– Как и договаривались, господин Кардинал. У меня есть условие: если я не смогу разгадать ваши загадки, то заберу все деньги, которые Вы мне выдавали наличными, минус пятьдесят процентов. Все, что придет мне карту в виде зарплаты я оставляю себе. Вы согласны?

– Ну, я хотел предложить Вам более выгодные условия, но

раз Вы так настаиваете...

– Я не дурак и не простак, господин Кардинал, я честный человек. Мне не нужны деньги, которые старики-профессора по копейкам от патентов собирали всю свою жизнь.

– Теперь я почувствовал тоже пренебрежение, мистер Крит.

– Нет. Никакого пренебрежения, только уважение и почитание.

Старик вложил свою ладонь в мою. Рукопожатие было сильным, что никак не сочеталось с хрупким стариковским видом.

Глава 2. Трудовые будни.

Сложнее, чем найти работу – это понравиться коллективу, войти в очень тесный круг людей, влиться в их рабочий поток и быть наравне с ними.

Как и обещал господин Кардинал (а только так я его теперь называл), устроиться на работу было, как два пальца об асфальт. Проблема, хоть и небольшая, заключалась в некоторых формальностях: диплома о соответствующем высшем образовании у меня не было, да и стаж работы по специальности у меня был нулевой. Но я выкрутился, купить документы в столице было проще, чем попасть на прием к врачу – никаких очередей и регистратуру беспокоить не надо.

И к обеду следующего дня я стал счастливым обладателем диплома специалиста по управлению персоналом в не самом известном, но все-таки уважаемом вузе, и трудовой книжки, согласно которой я проработал три года помощником руководителя отдела кадров в сети известных супермаркетов, и еще три года – непосредственно руководителем в небольшом развивающемся бизнесе. Для человека, которому 31 год от роду, было более, чем достаточно. Фамилию я менять не стал, ибо Тобиасов Критов было хоть и немного, но узнать меня могли только бывшие клиенты, которых было человек сто от силы. На сайте моего агентства и в его рекламе фото нет. Так что, вероятность быть узнанным и рассекреченным стремилась к нулю. На третий день в столице я уже шел на собеседование. Оно было чистой формальностью. Мне задали пару вопросов по специфике прошлой работы, почему сейчас мой выбор пал на их уважаемое научно-исследовательское учреждение. Я «честно» рассказал о выдуманном бизнесе и о том, что хотелось независимости от прибыльности стартапа, показал сайт, который сотрудник моего агентства склепал на коленке вчера вечером, где указал на основные провалы и ошибки моего предыдущего руководства. Заявил, что такое уважаемое научно-исследовательское учреждение наверняка может похвастаться стабильностью и способно правильно и вовремя выплачивать зарплаты сотрудникам. В общем, всеми силами старался понравиться руководителю отдела кадров института, под началом которой и

хотел работать. Начальница моя оказалась дородной и очень доброй на вид женщиной лет 50-55, и после пяти минут беседы заявила, что мое образование, стаж работы и покровительство профессора Стейта (а именно так звали господина Кардинала) полностью дает возможность мне работать в качестве ее личного помощника. И вот уже через час мне подписали все документы, пока я в спешке дочитывал договор (составлен он был очень неграмотно, и даже я смог понять, что если я захочу уволиться, то прихвачу с собой половину бухгалтерии). После короткой экскурсии по этажам НИИ в сопровождении обворожительной студентки четвертого курса, меня проводили к моему будущему рабочему месту. Им оказалась большая аудитория, которая была когда-то лабораторией, чему свидетельствовали трубы в углах комнаты, которые обеспечивали весь этаж различными газами, и большая прямоугольная дыра под потолком от лабораторного вытяжного шкафа. Около стен стояли простые деревянные столы и тумбочки, один из которых пустовал. Моими коллегами были начальница отдела мисс Райд, молодая девушка Кристи и молодой человек, имя которого я не запомнил. Женщины были на своих рабочих местах и дружелюбно поприветствовали меня. Парень же, скорее, числился в отделе кадров, но выполнял все свою работу из дома.

Меня быстро ввели в курс дела, рассказали основные проблемы и посоветовали не особенно задумываться о работе в рабочее время, так как кадров всего-навсего четыреста че-

ловек, а текучка – пять-десять кадров в год («Кто приходит, кто уходит, а кого-то и увозят» – весьма цинично заметила Кристи). И тут я напоролся на Клондайк! Оказывается, электронные базы данных для сотрудников отдела кадров НИИ были равноценны микроскопу во времена неандертальцев. Что давало мне неопишуемые возможности проработать каждого числящегося в институте сотрудника, изучить их с разных сторон (для обширной базы необходимы были контакты с бухгалтерией и другими отделами), да и просто пообщаться с контингентом. А в довершении, никто не мог запретить мне создать клон этой базы на своем ноутбуке, где я могу всю трудиться во славу науки Отечества и для решения локальной задачи господина Кардинала. Кристи приняла мою идею без энтузиазма, но я заверил ее и Мисс, что это никак не отразится на них и поможет быстрее мне освоиться на новом месте. Мисс Райд полностью поддержала мою идею, заявив, что НИИ уже несколько лет не хочет выделять деньги на специалиста, который всем этим займется.

Так прошли целых две недели, они были насыщены знакомствами с новыми людьми, и уже двумя новыми выплатами господина Кардинала. На данном этапе работы я не открыл ничего нового в этом деле, зато загадок становилось все больше и больше. Пока кипела работа над базой данных, я обнаружил несколько несостыковок в датах рождения особенно стареньких профессоров, в том числе у самого Стейта, шести из восьми исчезнувших и четырех их коллег (два

заведующих лабораториями, один декан факультета другого вуза и один академик). Так, например, господин Кардинал, по самым новым документам, родился в 1938 году, а в архиве я случайно наткнулся на старые книги учета, где некоторый Стейт 1908 года рождения, будучи старшим научным сотрудником в 1941 году получал реагенты для выполнения государственного задания. Это могло бы быть нелепым совпадением, но подпись была очень похожей на подпись самого господина Кардинала. Примерно по тем же методикам я определял возраст некоторых сотрудников, которые пропали за последние два года, и обнаружил, что средний их возраст составляет 117 лет. Для анонимного подтверждения оригинальности документов и подписей я потратил примерно полтора недельного заработка. А еще половину потратил, чтобы заткнуть чересчур любопытного почерковеда, которого удивило нестандартное долголетие моих клиентов.

Несмотря на столь крупные затраты, в деньгах я не нуждался, хоть и снимал далеко не самые дешевые апартаменты в гостинице, что стояла в двух кварталах от НИИ. Можно было бы и ближе, но на такое тактическое расположение повлияли некоторые причины. Во-первых, не хотел открываться коллегам раньше времени, а им резво могло захотеться прогуляться со мной до метро. Ладно, стряхнуть их можно было бы, но было жалко времени. Во-вторых, те семь минут от двери до двери давали возможность подышать свежим воздухом утром и проветрить мозги вечером. Инфраструк-

тура меня также вполне устраивала, прямо напротив гостиницы был магазин продуктов, в пятнадцати минутах ходьбы стоял торговый центр, в соседнем здании – частная клиника, где я успешно завел себе небольшую страховку (я не собирался надолго оставаться в столице, просто специфика работы детектива подразумевала возможные простуды от долгих ночных наблюдений, царапины от лазанья по подвалам, аллергии на пыль в старых архивах и, чем черт не шутит, колото-резанные и огнестрельные раны). Мои апартаменты представляли собой небольшую спальную комнату, по большей части занятую огромной кроватью, просторную столовую, совмещенную с кухней, санузел, прихожую, в которой стоял шкаф, вмещающий всю мою верхнюю одежду, и просторную гардеробную, размером с половину спальни, из которой я сделал себе кабинет со столом, ноутбуком, принтером, белой доской и стенами, полностью залепленными вырезками моих собственных распечаток А4. Придется платить за продырявленные булавками обои и поцарапанный белой доской ламинат. В гардеробной я убирался сам, заранее попросив уборщицу там не лазить, так что мои секреты были под замком в буквальном смысле. В гостинице был и бассейн, и тренажерный зал, так что я избрал самый легкий вариант для отвлечения внимания от работы.

Смущало меня только то, что расследование по делу Кардинала двигалось уж больно медленно, о чем я и сообщил ему за утренней чашечкой кофе у меня дома в воскресенье.

– Господин Кардинал, я уже две недели под прикрытием в институте!

– Вам все нравится? Как с Вами обходятся? Никто не связывает Вам руки?

– Нет-нет, не переживайте, это мои проблемы. Не надо Вас лишний раз впутывать. Только расследование медленно движется.

– Скажите, пожалуйста, мистер Крит, за что я Вам плачу? – четко говоря, от такого вопроса я напрочь потерял дар речи. – Не за то, чтобы Вы, словно оголтелый полицейский бегали по институту и проводили расследование у всех на виду. Когда я Вас приглашал, я осознавал, что Вы можете задержаться тут на несколько месяцев. Так что, не переживайте понапрасну, работайте в своем темпе, разгадывайте Ваши загадки. А я Вас, пожалуй, похвалю, мисс Райд очень лестно отозвалась о Вашей работе. – в его голосе звучала неприкрытая ирония.

– Спасибо, я постараюсь оправдать Ваше доверие. – в тон ответил я.

– Вот и славно, а мне пора по делам, дорогой Тобиас! – Кардинал не без труда выбрался из мягкого кресла, подобрал свою трость и двинулся по направлению к двери. – У Вас очень миленько в номере, как называется этот стиль?

– Господин Кардинал, а сколько Вам лет, если не секрет?

– Дорогой Тобиас, мне приятны Ваши слова! Даже если такой проникательный человек, как Вы, не можете опреде-

лить мой возраст, значит не зря я правильно питаюсь и соблюдаю режим сна! – Стейт хохотнул, развернулся и скрылся за дверью, а через пару секунд бодрые удары палкой о кафель уже звучали на другом конце коридора.

Глава 3. Утро вечера мудренее, но не откровеннее.

Даже в самом маленьком городе можно заблудиться. Даже в самом мелком море легко утонуть. Даже в самом плохом настроении найдется друг, который развеселит тебя. В самую темную ночь загорится хоть один фонарь. А в самый светлый день – набежит тень.

После того завтрака с господином Кардиналом дела мои пошли по совсем уж странному пути. Ответил на мой прямой вопрос он очень туманно, что практически полностью подтвердило мои опасения. Для самого себя, в клоне базы данных, я отметил те даты рождения, которые обнаружились мною в официальных документах (Боже храни бюрократию государственных учреждений, но не могло же господину Кардиналу, который выглядел на восемьдесят с хвостиком, быть сто двенадцать лет?!). Я твердо решил игнорировать факт беспричинного долголетия профессуры университета и начал копать в сторону виновников исчезновения. Для начала я проверил все передвижения великовозрастных коллег пропавших. Благо, что это было довольно просто – элек-

тронные проездные билеты на метро и наземный транспорт не показали никакой подозрительной активности каждого из них. Собственно, как и практически всех сотрудников НИИ, кто ездит на общественном транспорте. Для столь сложного и наверняка уголовно-наказуемого вмешательства в данные карт и личную жизнь граждан мне пришлось вызвонить своего штатного хакера Джимми из агентства, который поселился в моих апартаментах аж на целую неделю, чем нарушал мое душевное спокойствие. Как только я смог его выпроводить, сразу сел писать отчет для Кардинала.

«09 августа 2020 года. Не зафиксировано подозрительной активности сотрудников, пользующихся общественным транспортом за последние 12 мес. Обращал внимание на дни, когда, предположительно, исчезали Ваши коллеги. Попробую сделать аналогичное исследование по личным данным, это дорого, но в рамках Ваших дотаций. Если появится какая-то информация, то по сразу сообщу Вам. Тоби»

Естественно, личные данные я уже проверил. Тот же Джимми пробрался в базы сотовых операторов и проверил активность всех личных номеров, которые я смог собрать у всех сотрудников. В общем и частном, будь от этого хоть какой-то толк, то я бы сразу сообщил Кардиналу. Причина моих утаек состояла в том, что в словах Стейта, иногда, очень редко, вместе междометия «я» вставало неопределенное «мы». Можно было бы сослаться на академиче-

скую привычку, когда во время выступлений говорят не «я изучил, мое исследование», а «мы изучили, наше исследование». А можно было подумать, что он постоянно совещается со своими таинственными друзьями из «клуба долгожителей». Дальнейшее поведение Кардинала (или его друзей) могло бы навести на определенные мысли. Я не сильно надеялся на благоприятный исход моей подрывной идеи, так что спокойно продолжал исследования.

Каждый день мимо меня проходили толпы народа, кто в белых лабораторных халатах, кто в замызганных робах, а кто в обычной повседневной одежде. С каждым днем я все больше и больше знакомился с коллективом всего института. Административный этаж был не самым запоминающимся, кроме относительно молодого директора с выдающимся вторым подбородком и значительным брюшком, своими сверстниками я мог назвать максимум трех человек: мою коллегу Кристи и двух секретарш директора. На исследовательских этажах, где изучали разные проявления химии, в которых я был не силен, работали сотрудники совсем уж разного возраста. Здесь можно было встретить и согнутого в три погибели старика-академика, который полностью соответствовал своему 97-летнему возрасту, и импозантного профессора в хорошем, хоть и недорогом, костюме (по некоторым данным он был старше своего возраста лет на 50 минимум), и молодых женщин, которые всеми правдами и неправдами пытались обучить нерадивых студентов, и парней-лаборантов, с

крутым видом расхаживающих по лестнице с сигареткой в зубах. И со всеми быстро получалось разговориться, люди здесь искали возможности поделиться позитивом. Так что, к середине августа, в пятницу вечером, я вовсю пил пиво в странной компании из института, которая включала двух старших лаборантов лет двадцати шести, пару научных сотрудниц по тридцать лет каждой, и даже одного заведующего лаборатории сорока одного года от роду. Мы веселились и смеялись под аккомпанемент звона бокалов. Смеялись, пока я не затронул тему, которая меня интересовала куда больше, чем «забавные случаи с аргоном в лаборатории органического синтеза». И повисла тишина. Вокруг нашего столика, будто воздвигли купол из звуконепроницаемого стекла.

– В каком смысле, пропадают? – первым нарушил молчание парень-лаборант. – Они же кто на пенсии, кто вообще умер.

– Ну, кто умер, тот реально умер, а вот бухгалтерия не стремится выпускать на пенсию доктора Мартинсона. Хотя я его так и не видел ни разу. Всех уже достал и в отделе кадров, и в бухгалтерии. Так и говорят, что не видели, в отпуске, наверное. Мол, бывает у них, решил погулять под старость лет. Ребят, вы чего затихли-то?

– Тоби, а ты к директору ходил?

– Нет, еще его мучить лишний раз!

– Ну, если нас это не касается, то и к черту это, да, ребята? – протараторила девушка научный сотрудник. Ребята

закивали и продолжили общение, также резко, как и затихли еще минуту тому назад. Только я немного погрузился в свои мысли, и еще одна девушка стала чаще поглядывать на меня.

Так прошел весь вечер, пока у нас не закончились деньги (не у меня, конечно). Зато, кажется, мне подвернулась удача. Ведь когда я попрощался со всеми мужчинами за руки, обнял барышень, то одна, по имени Кэти, успела шепнуть мне на ухо: «Проводишь меня?». Только радовался я не по причине возможного служебного романа, а потому что голос у девушки был испуганный. Будто она знала больше, чем озвучили ребята за столом, просто боялась говорить. Мне это было только на руку. И когда все начали расходиться, она прошептала что-то по поводу туалета, а я вызвался проводить ее до метро. Пошатываясь, ребята компанией направились в сторону подземки. Так случилось, что я, в отличие от своих коллег, был абсолютно трезв. Причиной тому стала купюра, сунутая официанту, с запиской «мне только безалкогольное». Кэти появилась спустя две минуты. Она тоже не очень крепко стояла на своих двоих.

– Двинем? – предложил я и отодвинул локоть, чтобы Кэти могла ухватиться за нее.

– Спасибо!

– Ты чего-то испугалась?

– Да, твоих слов. Доктор Моргинсон был моим руководителем. – а то я не знал. – И я не видела его уже больше меся-

ца, хотя раньше он и недели не мог удержаться, чтобы не поучить нас уму-разуму... – Кэти оступилась и упала бы, если бы не держалась за меня, кажется, она подвернула ногу.

Она выровнялась, поблагодарила меня и совершенно неожиданно расплакалась, уткнувшись мне в плечо. И тут мне стало действительно неловко, видимо доктор ей был очень дорог, а я столь бессовестно воспользовался ее положением, еще и обрадовался. Детектив, блин... Как ее поддержать? Я осторожно погладил ее по спине, даже будто слегка приобнял, а Кэти никак не могла успокоиться. Надо было что-то сказать...

– Кэти, я... – ну, вот что я могу ей сказать? – Кэти, я рядом, если ты хочешь что-то сказать, то не стесняйся, я тебя услышу.

Кэти задыхалась в истерике, ее плечи дергались, мы сели на крыльцо подвернувшегося магазинчика, ночь была теплой, но я снял рубашку, оставшись в футболке, и укутал в ней девушку. Потихоньку она начала успокаиваться, вытирая слезы рукавом, и на нем расплылось маленькое пятнышко туши. Когда манжета стала напоминать тест Роршаха, Кэти наконец перестала судорожно дергаться.

– Пойдем, Тоби, хорошо? Мне нужно побольше воздуха. – она решительно поднялась и сняла рубашку, подавая ее мне.

– Нет уж, спасибо, вернешь ее, когда отмоешь! – попытка пошутить удалась: Кэти улыбнулась и рассмеялась сквозь оставшиеся в глазах слезы. – Так-то лучше! Ты где живешь?

Куда тебя проводить?

– Я не хочу сейчас в общагу идти, давай прогуляемся? Пойдем к набережной?

– Да, а где она?

– Ты же говорил, что полжизни в столице провел! И не знаешь, где здесь набережная? – упс, мой косяк, совсем забылся!

– Да-а-а-а, классика, живешь себе всю жизнь в одном районе, работаешь в другом, и кроме трех улиц в городе ничего не знаешь.

– Понимаю, сама так жила. – о, прокатило, – Тут на перекрестке, справа от НИИ, переход подземный, и на той стороне, через парк.

– А, ну вот и объяснение, я-то живу с другой стороны.

Так и мы прошли, на другую сторону парка, к набережной узенькой речки. Не могу сказать, что воздух был гораздо свежее или чище, так как сильно пахло тиной, на воде возле берега расплывались бензиновые пятна, а услышать, что говорит человек в метре от тебя практически нереально из-за оживленной проезжей части. Зато дул легкий ветерок, который приятно охлаждал кожу рук и лицо. Речка тоже не произвела на меня впечатление, не сравнится с рекой в моем городе, такой широкой, что если бы не огни на другой стороне, то берега не было бы видно.

– Пойдем отсюда, Тоби? Река зацвела и теперь от нее неприятно пахнет... – я согласно закивал, надирать глотку

из-за шума не было никакого желания. – Да и не только в цветении дело, честно говоря.

Порой, бывает, нужно просто помолчать. В данный момент мы молча шли под руку по узким улочкам столицы, оставляя позади себя вонючую узкую речку. Я не осознавал, куда мы идем, даже не смотрел на часы, просто не нужно было. Позади шумная дорога, впереди теплая ночь. Мы шли и шли. Не замечая пролетающих мимо птиц, проезжающих автомобилей, случайных прохожих. И дошли до НИИ. Кэти взглянула на гротескное строение белого цвета и заговорила. Ее рассказ был прерывистым, часто переходил на всхлип, часто я путался в именах и датах, но суть оставалась одной:

Еще четыре года назад, когда только Кэти приняли на стажировку в НИИ, заведение процветало: конференции, статьи, выступления, гранты, проекты. Все было слишком хорошо. Но сменилось руководство, и стали расти цены на реагенты, упали зарплаты и финансирование, все меньше гостей, все реже выступления именитых ученых. Стали уходить сотрудники, за полгода штат сократился на двести человек. Остались только те, кто действительно всей душой горел идеями. Руководство разводило руками, на все жалобы и предложения закрывало глаза. Ладно, справимся, думали мы. Даже пытались видеть какие-то преимущества: меньше очередей на оборудование общего пользования и в столовую. Больше места, ведь старые профессора стали пробивать себе закрытые и опустевшие лаборатории. Так продолжалось еще

полтора года, институт будто бы ожил, все говорили, что реформы привели все-таки его к новым вершинам. В следующие два года все становилось только хуже. Старые профессора, которые вдохновляли нас, давали нам идеи и помогали в работе, стали один за другим поддаваться депрессии. Их коллеги не выходили на связь. У каждого из них в глазах поселился страх, но только не у профессора Мортинсона, который до самого последнего верил, что они снова заживут! Каждый день он их подбадривал и давал все новые и новые интересные задачи. Даже когда они не справлялись, он все равно всячески их мотивировал.

– Но вот он пропал. И уже почти полтора месяца его нет, а я все жду, когда он снова зайдет в лабораторию, скажет всем свое постоянно: «привет, команда» и начнет раздавать всем советы и подсказки.

Кэти снова начала плакать, только теперь уже тихо, без судорожных всхлипов. По ее щекам одна за другой текли слезы. Теперь они были вызваны не страхом, а тяжелой тоской. Пятно на манжете рубашки продолжило увеличиваться.

– Кэти, послушай, метро уже не работает, я вызову тебе такси, ладно? Где ты живешь?

– Тоби, я боюсь теперь одна возвращаться.

– Я, конечно, могу тебя проводить, но проще просто переночевать у меня. Приставать не буду, честно! – Кэти снова улыбнулась, даже попыталась пошутить.

– Эх. А так хотелось...

Сарказм – наше единственное оружие, когда на душе уж совсем темно, пусто и холодно. В нем наше спасение от страха за свое будущее.

Очевидно, Кэти была не в том состоянии, чтобы трезво оценить обстановку и заметить, что я живу в гостинице, а не в квартире, но все-таки нашла силы пойти в ванную и привести себя в порядок перед сном. Я выделил ей халат, который мне достался в комплекте с апартаментами, и любимую футболку (единственную чистую на данный момент). Спать ее уложил в спальню, а самому мне надо было набросать все услышанное за сегодня. Фактов было много, но они были разрознены в воспаленном алкоголем и переживаниями мозгу Кэти. Надо было копать глубже про эту кратковременную депрессию в НИИ, о которой я только что узнал. Вот откуда эти стремления сотрудников улыбаться и быть приветливыми. Они не из-за того, что в команду набирались исключительно позитивные кадры, а потому, что у них не остается никаких других возможностей удержаться на плаву. Они, как обычная большая семья, предпочитают прятать проблему за улыбками, совместными объединяющими вечерами, чем начать ее решать. Неужели все настолько плохо? Как этого можно было не заметить?

Настораживала еще и эта туманная фигура нового директора НИИ. Я так и не смог ни разу его увидеть. Мутный тип. Сидит ли он в кабинете дни напролет на бесконечных совещаниях или попросту не появляется на рабочем месте. Надо

бы его прощупать. Плохо начинать в понедельник, но на выходных я собираюсь быть новым хорошим другом для Кэти. Пусть хоть немного успокоится. Свожу ее завтра в зоопарк, поедем мороженое, и на забавных зверей посмотрим. Это точно поднимет ей настроение! Определенно, настанет понедельник, и я проверю директора, а завтра просто немного отдохну.

Глава 4. Макулатура и шантаж.

Феномен Баадера-Майнхоф или иллюзия частотности – это когнитивное искажение, при котором недавно узнанная информация, появляющаяся вновь спустя непродолжительный период времени, воспринимается как необычайно часто повторяющаяся.

(Википедия)

Утро субботы получилось не таким гладким, каким я его себе планировал. Ведь проснувшись утром не в своей большой и уютной постели, а на диване в столовой я обнаружил открытую дверь гардеробной. Я старался лежать, не издавая ни звука, пока из комнаты доносились звуки клацанья компьютерной мышки. События вчерашней ночи слишком медленно разворачивались у меня в голове, сознание никак не хотело проснуться. Как только я осознал все превратно-

сти судьбы, то понял, что только один человек мог случайно зайти в гардеробную утром в запертой квартире гостиницы. Стыд накатило на меня вперемешку с паническим желанием подобрать нужные слова, чтобы сказать их Кэти. Но слова не шли. Мне было отвратительно на душе. Она так доверилась мне, а тут такой набор улик... Выводы Кэти могла сделать самые разные, отчего ее страх легко перейдет в паранойю. Решение было одно – быть максимально честным. Я встал, стараясь не издавать много шума. Однако и этот план реализовался из рук вон плохо. Спина затекла во время неудобного сна, и вместо того, чтобы подняться с дивана и одеться, я мешком свалился с кровати и от неожиданной боли по всей длине позвоночника, застонал. Как только я выпрямился и кое-как размял шею, я поднял глаза на дверь. В проеме, опершись на дверной косяк, стояла Кэти и откровенно смеялась, глядя на мои неубедительные попытки выпрямиться в полный рост.

– Ты на меня не злишься?

– Частный детектив Тобиас Крит, значит. Могла бы и догадаться!

– Кэти. Я...

– Молчи уж. Поняла без тебя.

– Я могу попросить только не раскрывать меня. Ты умный человек, должна понять, что я делаю и зачем меня к вам внедрили.

– Поняла уже, да-да. Значит не просто так вчера расспра-

шивал? Ладно, не отвечай. Сама виновата, доверилась едва знакомому коллеге.

– Но я правда работаю в НИИ, даже зарплату получаю и договор заключил.

– О, а зарплату тебе платит этот таинственный Кардинал?

– И он тоже, но и бухгалтерия. Я тебе так скажу, мне сделали заказ, суть которого докопаться до истины, почему пропадают старики в твоём институте, в том числе и любимый тобой Мортинсон! Кардиналу не нужны профессора, он уже смирился с их смертью, но я не думаю, что Мортинсон погиб. И раз ты в курсе, то поможешь мне!

– Вот еще! Зачем мне тебе помогать? Ты обманул меня, обманул всех моих друзей, ты даже пиво пил безалкогольное вчера! Что же в тебе настоящее?

– Ну, ты в моей настоящей футболке с концерта Pink Floyd. Я купил ее непосредственно перед выступлением. – Кэти перестала улыбаться этой дикой улыбкой.

– Отшучиваешься, значит?

– Черт побери, Кэти! Не хочешь помогать, не надо! Я тебя к себе не тащил. Мог бы заказать такси и отправить тебя в общагу. Ты попросила – я привел тебя к себе! И вот к чему это все привело! Да, я не хотел, чтобы меня рассекретили, но и ты молодец, зашла в закрытую комнату, а между прочим, ты в гостях и пренебрегла всеми приличиями! – психанул я.

Надоело, что каждый умник из института думает, что я ниже его по статусу. Пусть выметается, если что-то не нра-

вится, позвоню коллегам, пусть заберут ее ко мне в город, пришьют ей какое-нибудь дело и посадят в СИЗО на ближайший месяц. Так, вот этим мыслям лучше не давать волю.

Еще минуту я всеми силами пытался успокоить самого себя. После этой затянувшейся паузы, во время которой лицо Кэти то краснело, то бледнело, то покрывалось пятнами.

– Ладно, думай, что хочешь, я продолжу выполнять свою работу, если желаешь, то расскажи всем, плевать, пусть старики и дальше пропадают, как игрушки с новогодней елки в торговом центре.

– Извини, Тоби. Я совсем не хотела...

– Что ты не хотела? – я только успокоился, как новая волна гнева начала вскипать.

Ненавижу фразу: «Извините, я не хотел». Десятки дел, которые я расследовал, заканчивались этими словами. Кто-то не хотел воровать, кто-то изменять, а кто-то покупать наркотики. Только все это ложь. Если человек чего-то не хочет, то он этого не делает.

– Нет, Кэти. Ты почувствовала себя уязвленной, что я – совсем мало тебе знакомый коллега – вдруг не рассказал тебе всю правду о своей жизни. Вчера ты даже не заметила, что я привел тебя в гостиницу, но даже ни разу не воспользовался случаем, чтобы переспать с тобой, например! Ты не задавалась вопросами, почему я этим занимаюсь, что я за человек? Нет! Ты решила ткнуть меня мордой в обнаруженное тобой дерьмо и похвастаться, что ты адекватный человек, и за ми-

лю чуешь, когда кто-то обоссался.

– Извини, пожалуйста, Тоби! – тут уже она сорвалась на крик. Я заткнулся. Мне снова стало стыдно. – Я была не права.

Снова повисла пауза, опять я боролся со злостью, а Кэти краснела и бледнела.

– Завтракать будешь? Кофе или чай? – уже куда более спокойным голосом спросил я. Наверное, эта перемена тональности напугала Кэти еще сильнее. – Я закажу еду в номер, если ты не против. Здесь делают неплохой кофе. Меню в комнате.

Кэти ушла в спальню. Я остался стоять напротив распахнутой двери гардеробной, сердце еще отбивало военный марш, а спину разрывала боль. Я вышел на балкон. Вот еще одно преимущество моих апартаментов. Есть какое-то необъяснимое наслаждение в том, чтобы выйти на балкон с чашечкой кофе рано утром. Тебя уносят в воспоминания юности, когда на вечеринке ты выходишь из душевой комнаты, пропитанной запахами дешевой еды и алкоголя, на свежий воздух, пахнущий летней ночью. Другие воспоминания отсылают тебя к первой сигаретке, которую ты выкурил на балконе у твоего друга, когда тот вытаскивал тебя из глубокой эмоциональной ямы, которую вырыла для тебя твоя уже бывшая девушка. Вот и сейчас, балкон показался мне идеальным местом, чтобы немного поработать с самого утра, раз уж планы о зоопарке и мороженом накрылись медным тазом.

Я принес ноутбук из гардеробной, открыл базу данных, в сотый раз пролистал фамилии, посмотрел фотографии и приметы, снова психанул и принялся листать новостную ленту. Коллеги и знакомые часто спрашивают меня, мол, по какой причине я столь редко читаю статьи о различных событиях, но не чужаюсь простых новостных сводок. Если ты представляешь себе ситуацию в мире, если знаешь о проблемах, об исторических тенденциях, то тебе становятся не нужны комментарии журналиста, который, каким бы объективным не был, все равно описывает случившееся с какой-то точки зрения. Может, политика партии, или взгляды редактора, в конце концов, никто не отменял коррумпированных чиновников или просто очень богатых людей, которым интересно было бы представить определенное событие в нужном свете. Копейку туда, словечко сюда, фразу там. Может, легче будет дать взятку, или конкурент легче поддастся шантажу, необходимо пролоббировать определенный закон, или отсрочить выход невыгодного указа. Так или иначе, листая новостную ленту, я наткнулся не название статьи какой-то журналистки из прессы типа «НеобЪяснимо_но_факД», где приводят логичные (читай абсурдные) объяснения загадочным явлениям. Зацепили меня заголовок, крупным шрифтом кричащий «Ученая династия однофамильцев», и иллюстрация, напоминающая филогенетический ряд человека от Архимеда до современного ученого. Решив, что утро уже точно не сможет быть хуже, я открыл статью целиком:

«Ученая династия однофамильцев.

Мир с древних времен держится на хрупких плечах очень известных и богатых людей, которые, как они сами утверждают, делают нашу жизнь лучше. Времена меняются, а известные фамилии остаются в памяти на века. Каждый еще со школьной скамьи твердо уверен, что Эвклид – человечество, чье имя будет греметь еще миллионы лет, что Эйнштейн – не просто физик, а настоящая легенда. Перечислять эти фамилии можно очень и очень долго. Но вот возникает логичный вопрос, стоит ли нам, простым людям, так безоговорочно доверять учителям и профессорам, которые поколениями втирают в подрастающие умы истории, как один человек перевернул понимание вселенной. Мы, умное и просветленное человечество, живущее в третьем тысячелетии, в совершенно новой эпохе умной техники и неограниченной свободе развития. Почему же **МЫ** не способны создать новую теорию относительности, установить новые законы природы и изобрести совершенно новые технологии, опережающие свое время на десятилетия? А все очень просто объясняется! Не важно, верят ли мне мои читатели, но факт остается фактом – один древний старец никогда бы не смог достигнуть высших научных достижений. В одиночку никто не справится с задачей, которая опровергает старые законы, да еще и объяснить ее массам! И наша газета наконец нашла оправдание этим невозможным фактам, которые перевернут понимание истории!

Все достаточно просто и логично, если немного поразмыслить. Древние ученые были известны только очень узкому кругу людей, ведь не было тогда еще социальных сетей, которые распространили бы его фотографию по всему земному диску. А продолжительность жизни в античные времена была на редкость маленькой. И однажды, группа последователей какого-нибудь достопочтенного Аристотеля сказала, что они подхватят знамя почившего учителя и под его именем доработают его исследования. И так продолжалось очень долгое время, эпохами люди воспевали мудрость старца, который был всего-навсего двумя-тремя поколениями ученых фанатиков. Были и истинные самородки, гениальность которых превышала все мыслимые и немыслимые границы, но которых не приняли, почему-то, в тайный клуб продолжателей дела, например, хорошо известный Джордано Бруно, можно сказать, сгорел на работе, а просто по той причине, что его коллеги не подсказали вводить информацию в общество строго дозированными количествами. Ведь он мог бы «жить» гораздо дольше, не будь он столь самонадеянным эгоистом.

А что же происходит сейчас? К нашему общему счастью, теперь скрывать столь явные обманы стало гораздо сложнее, ведь интернет помнит все. Если бы кто-то жил слишком долго, то об этом бы поползли слухи, тайные пауки переплели бы свои паутины и давно бы подняли шарлатанов на смех!

Я советую всем своим читателям не доверять своим пре-

подавателям и учителям! Учитесь, ДА, но не верьте, и когда-нибудь, правда обязательно вылезет наружу!»

Бред собачий, но, черт побери, почему такие вещи встречаются именно тогда, когда легче всего можешь в них поверить. Как говаривал старик Дойл: «Если исключить невозможное, то, что останется, и будет правдой, сколь бы невероятным оно ни казалось». Слишком заманчивая перспектива, но кажется, я зашел в тупик. Или свернул не туда. Мое дело – искать похитителей и мотив, а не разгадывать загадочные ошибки в документации.

– Тоби. – из моих размышлений меня выдернул голос Кэти. – Я придумала, что хочу на завтрак, закажешь, пожалуйста? – она уже переделалась в уличную одежду, в которой была вчера вечером.

– Да, конечно.

Я поднялся с удобного плетеного кресла, отложил ноутбук на журнальный столик, прикрыл балконную дверь. По внутреннему телефону позвонил администратору и заказал завтрак на две персоны. Принесли довольно быстро, видимо, шведский стол еще не закрылся. К слову, посмотрев на часы, я знатно удивился, осознав, что только десять утра, учитывая, что мы пришли вчера только в 2 ночи, а уснул я только к четырем. Мы позавтракали в тишине, я продолжал листать новостную ленту, там и тут проскальзывали насмешливые комментарии по поводу прочитанной мной статьи. Даже сообщество историков дало комментарии по этому поводу, на-

прочь разбив ее в пух и прах. Любопытно, когда в последний раз общественность так волновали дешевые статьи в газетке сомнительного качества?

– Тоби, я хочу домой, – нарушила тишину Кэти. – Просто мне кажется, что ты не хочешь меня больше видеть.

– Слушай, прочитай эту статью, пожалуйста, – я притворился, что не слышал ее вопроса.

– Я к тебе обратилась вообще-то! – ее брови медленно поползли вверх.

– Нет-нет, я слышал, езжай, конечно, если хочешь. Просто прочитай статью, пожалуйста.

Кэти быстро пробежалась глазами по экрану ноутбука, вот она научная привычка, ознакомиться с информацией, так сказать, по диагонали, а потом только вчитаться, если хоть пара фраз показалась интересной. И я угадал, глаза Кэти снова вернулись на верхнюю часть экрана, и теперь, кажется, взвешивала каждое слово.

– Бред какой-то, зачем ты меня заставил это читать? – удивительно, как артистично она показала свою явную неприязнь к статье, хотя еще минуту назад вчитывалась в каждую букву. – Ты же сам прекрасно понимаешь, что это фигня. Хочешь мое мнение?

– Я бы послушал, – одними глазами улыбнулся я, якобы сосредоточив внимание на намазывании тоста сливочным маслом.

– Ну, смотри. Пусть продолжительность жизни и была ко-

роткой, но любой древний старец целыми днями лежал на кушетке под теплым солнышком, пил разбавленное вино и ел фрукты в окружении своих почитателей, размышляя о вечном. Какой-то олух просто записал его слова и отослал их во дворец местному царьку. Вот и вся история. Про сожжения и так далее, кроме того, что очень неэтично написано, так еще и нужно понимать законы времени. Я могу долго еще говорить. Это, конечно, только мое мнение, но верить этой статье просто глупо.

– Ладно, убедила. А где ты живешь?

– В общежитии, тут минут двадцать до станции, еще где-то полчаса в самом метро, минут семь на автобусе, и я на месте.

– Я вызову такси, подскажи адрес, пожалуйста.

– Нет, спасибо, сама доберусь.

– Слушай, я бы хотел извиниться за свой утренний срыв, и приглашаю тебя отведать мороженое в зоопарке. А заодно обсудить одну задачу.

– Окей, тогда завтра! – Кэти лукаво улыбнулась. – Встретаться с тобой я точно не собираюсь, я все-таки столичная барышня и мне нужен столичный кавалер, желательно с квартирой, а не снимающий апартаменты в гостинице...

– Эй, чем тебе гостиница не угодила?

– А вот поесть мороженое и дружить с тобой можно, так и быть. Тем более, что мне очень понравилась футболка, которую ты мне подарил!

– Я что сделал? Эй-эй-эй! Я ради нее в другую страну

ехал!

– Ну, ничего, съездишь еще! Мы же должны как-то закрепить нашу дружбу. – она уже открыто смеялась, да и я начал улыбаться.

– Шантажистка хренова.

Глава 5. Молчи, пока не попросят.

Самое сложное в работе частного детектива, как и в работе ученого, быть восприимчивым к критике. Тяжело порой, когда твой оппонент засыпает тебя комментариями по поводу твоей новой теории, топчет ногами твою империю, созданную с нуля, когда на глазах рушится воздушный замок, главное это пересилить. Но еще хуже, руководить, если у тебя кончились идеи. Как быть мотору без бензина или свечке без фитиля? Главное, сражаться. До самого последнего момента держать удар и не опускать руки.

В воскресенье мы все-таки встретились с Кэти. Прогулка была на редкость приятной, было забавно наблюдать да зверьми в зоопарке, на их любопытные ритуалы и взаимоотношения друг с другом. Покормили жирафа – вот уж инопланетное создание. Посмотрели на ночных хищников – в темном прохладном помещении было очень приятно после яркого полуденного солнцепека в жаркий летний день. Кафе-мороженое на открытом воздухе расположенное недале-

ко от большого пруда, тоже порадовало прохладой и вкусными десертами. Да и разговор прошел легко, хотя у меня и сложилось впечатление, будто Кэти воспринимает мой рассказ за занятную книжку, а не реальную историю, хотя, может это был ее способ абстрагироваться. Было принято решение, что Кэти будет мне помогать инкогнито, и что не стоит посвящать господина Кардинала в наш тайный союз. Встретаться договорились у меня в гостинице после работы и на выходных. Только договорились добираться до нее разными путями. Делились новостями мы почти каждый вечер. Кэти дала понять, что в общаге института не говорят об этих исчезновениях, стараются, точно, как и в коридорах НИИ, делиться позитивом с окружающими. Было принято решение снять двухкомнатные апартаменты в той же гостинице, ибо наши обсуждения порой заканчивались глубоко за два часа ночи, когда из общественного транспорта оставалось только такси, а я жутко устал просыпаться с болью по всему Тобиасу Криту из-за крайне неудобного для сна дивана. Кэти оказалась потрясающей напарницей. Работа в науке научила ее быть очень хорошим оппонентом, она порой до самых атомов разбирала мою очередную теорию, или каким-то образом за три минуты разрушала потрясающую логическую цепочку, которую я формировал несколько дней подряд.

За вечерними обсуждениями подходил к концу август. Научная часть института начала суетиться по поводу учеб-

ных планов и расписаний, проектов и грантов. Отдел кадров оставался постоянным в своем преисполненном спокойствии. Единожды я встретил своего коллегу, который числился в нашем отделе, но на работе появился только в середине августа. Я попытался завести с ним разговор, мол, как дела и в чем заключается его работа? Мужик ответил довольно сухо, что он попросил перевести его на удаленную работу, так как его сын сильно болеет. Но со всей работой он справляется, и если мне что-то не нравится, то я могу идти в жопу. После чего мисс Райд попросила его попрердержать язык, извиниться, и поблагодарить меня за создание такой удобной электронной базы данных, которой пользуется сейчас уже весь институт и никак не может перестать радоваться такому легкому и комфортному каталогу всех личных дел. Мужик, а его звали Энди Уотсон, пробормотал извинение и протянул руку для рукопожатия. Я не сильно сопротивлялся, только попросил его записать мой номер, если я чем-то смогу помочь новому коллеге, то пусть звонит. Энди неохотно вбил номер и мое имя в телефон, после чего протянул его мне для проверки. Удивительное доверие, но это только мне и надо было. Когда я вернулся домой и рассказал Кэти о своем новом знакомом, то она сказала, что видела его только пару раз, но слышала, что его жена, кстати бывшая сотрудница НИИ, очень страдала при родах и умерла, а ребенок, как только родился впал в кому. Все его органы функционируют нормально, даже мозг проявляет совсем не слабую ак-

тивность, но мальчик не просыпается. Сказать, что из этого правда, а что домыслы, Кэти мне не смогла. И я ради интереса предложил ей проверить его телефон.

– Но у тебя же нет его номера? Он со всеми связывается только по электронной почте.

– Ага, только телефон у него есть и сегодня, на несколько секунд он дал мне его в руки!

– Серьезно? Ты повесил на него жучок? Или какой-то передатчик? А можно мне такой же? А то мне кажется, что одна моя студентка по обедам ходит не в столовую, а в пивнуху.

– Кэти, все прозаичнее. И я частный детектив, а не агент 007. Есть способы, как узнать, как ты записан у кого-то в телефоне. А есть другие вариации, когда ты вбиваешь свой номер и свое имя, узнаешь номер телефона, а потом просто пеленгуешь этот самый номер. У тебя появляется вся карта его обычных и необычных маршрутов. Как тебе такое?

– Весьма прозаично. Легче было бы нацепить жучок. – свое разочарование Кэти скрыть не удалось.

Провести все операции сегодня же мне не удалось, так как мой хакер, по забавному стечению обстоятельств, решил лечь спать в восемь вечера. Однако, на утро, прочитав мое письмо он практически сразу дал ответ и всю карту передвижений этого господина. Любопытно, что иногда он днями сидел у себя дома, но чаще всего совершал стандартный путь от дома до больницы и магазина и обратно. Иногда заезжал в аптеки и в какую-то квартиру, которую я тоже быст-

ро пробил и узнал, что там живет его мать. Чист, как стекло, конечно, придраться можно было бы и к плану божьему, было бы желание. Кэти не разделяла мою точку зрения, она металась между жалостью и подозрительностью, называя Энди не иначе, как «мутный тип».

Настал последний день лета, 31 августа, и господин Кардинал позвал меня к себе в кабинет. Так как еженедельную финансовую дотацию я еще не получил (а был уже понедельник), то без каких-либо подозрений я направился в конец коридора.

– Здравствуй, Тоби, садись, пожалуйста. – Стейт указал на стул слева его большого стола.

– Доброго дня, господин Кардинал!

– Хотел тебя спросить, – начал он спокойным голосом, – а ты мне ответишь максимально честно. – я начал чувствовать исходившее от него напряжение. – Скажи, пожалуйста, Тоби, за что я тебе плачу? Чтобы ты таскался по барам на мои деньги и трахал симпатичных сотрудниц? Что? Страх совсем потерял? Полтора месяца и все, что и вижу, это как вы вдвоем уходите каждый день к тебе домой? Отвечай! – его сильно, очень сильно, выводило из себя мое спокойствие. Мне было, что ответить, а еще я точно знал, что если направить его гнев в нужное русло, то он может проорать какую-нибудь толику информации. Ведь что у спокойного на уме, то у разъяренного на языке.

– Я готов ответить на все Ваши вопросы, профессор

Стейт, только успокойтесь! Вы ведь не хотите, чтобы весь институт узнал о нашем маленьком секрете?

– Ты меня шантажировать вздумал? Ах ты проходимец, да я тебя... – он встал с кресла и замахнулся на меня своей тростью. Я поступил плохо, о чем пожалел сразу же, не подумав, чисто на инстинктах правую ступню подставил под его пятку левой ноги, на которую он опирался всей тяжестью своего тела, а левой ступней надавил на его бедро. Старик мешком картошки упал в кресло, из которого только что с таким пылом выпрыгнул.

– Успокойтесь, Кардинал! – тихо, сквозь зубы и с нажимом прорычал я. – Разбудите весь НИИ своим ором, думайте, а потом только орите! Вы сказали влиться в коллектив, явливаюсь, сказали стать своим и пронюхать все изнутри, я и пронюхал. Информации масса, могу Вам ее дать, и если такой гений, как Вы сможете ее расшифровать, то я с удовольствием куплю Вам в ларьке нобелевскую премию и торжественно вручу на заседании кафедры в сортире второго этажа! – отповедь удалась. Все еще зажата в моих ступнях голень Кардинала начала трястись от напряжения, трость выпала из руки, а сам он весь сжался, будто отчитывал его в последний раз еще его отец за мелкий проступок. Даже стало жалко его. Но сдавать позиции было нельзя, раз показал клыки, то будь сильным до конца! Я отпустил его ногу и поднялся. – Профессор Стейт, если Вас что-то интересует, то я готов ответить, если Вам не правятся мои взаимоотношения

с Кэти, их не будет. Я делаю то, что нужно. Да, подозреваемых нет. Нет и мотивов. Но информация есть. Если она Вам нужна, то пришлите весточку и я все Вам выложу. Только поймите, если начну говорить я, то и все Ваши секреты я ставлю выдать. Карты на стол, да?

– Простите, Тобиас. Я Вас недооценил. Вы правы, я слишком нетерпелив. Но мои друзья еще более нетерпеливы, если бы Вы угостили нас хоть крупинкой информации, то мы бы могли Вам чем-то помочь.

Я снова сел. Мне не нравились его слова. Старик что-то знает еще. Что-то важное, о чем он говорить не хочет или не может. И эти его друзья, «клуб долгожителей». Вот они и появились на сцене нашего театра. Чем же они смогут помочь. А главное, что именно я могу доверить им, ведь похититель мог бы быть из их рядов. Конкуренция, конфликты интересов, простоя зависть – никто не отменял этих простых, но всегда актуальных регуляторов взаимоотношений между людьми в узком научном кругу.

– Я не могу ничего Вам сказать сейчас, Кардинал. Вы же понимаете, что ОН может быть и среди Ваших друзей!

– Вы предлагаете мне не доверять своим друзьям, которые уже сто лет поддерживают меня. – это был не вопрос, Кардинал наконец осознал, что я имею в виду.

– Хорошо, если хотите, то я могу сделать Вам вброс.

– Что сделать? Это дезинформация так сейчас называется?

– Не совсем, мы не будем врать и искажать факты, мы просто скроем ее часть. Как Вам идея?

– Мне нужно подумать. Заварите пока себе кофе, – старик махнул рукой в сторону шкафа. – И мне тоже, пожалуй, если это не слишком нагло.

– Ничуть.

Я двинулся в сторону шкафа, на который указал Кардинал, в нем обнаружили растворимый кофе, кубики сахара, ложечки и чашки разных размеров, аккуратно разложенные кверху дном на белом вафельном полотенце. Я взял себе первую попавшуюся, профессору насыпал кофе в туже кружку, что и была на столе в мой самый первый день в НИИ. Пока вода в электрическом чайнике закипала, профессор достал из ящика стола потертую трубку и кожаный кисет, очевидно, ручной работы. Набил трубку, открыл окно, и прикурил длинными ароматными спичками. Когда я подошел ко столу, и хотел уже поставить на его полированную поверхность кружки, Кардинал кинул две силиконовые подставки под горячее. Движение было настолько отработанным, что кружочки прилипли к столешнице четко в том месте, куда я хотел поставить кофе. Старик улыбнулся на мое удивленное выражение лица.

– Удивительная вещь – время, да, Тоби?

– Так точно, профессор Дамблдор, – старик снова улыбнулся.

– В НИИ бывают времена, когда неделями плюешь в по-

толок. Какое-то время помогает общение с коллегами, потом чтение книг, сейчас еще и просмотр сериалов в интернете. Но иногда, когда ты исчерпал запас хобби, то возникает чувство, что нужно просто занять руки. Так научились мы с коллегой, доктором Мортинсоном, кидать подставки для кружек. Его идея. А сейчас он пропал... – повисла пауза, на добрых три минуты, профессор вернулся в свое кресло, положил кубик сахара в кофе, помешал его, сделал несколько глотков, затянулся едва дымящейся трубкой. – Я согласен, Тоби. Сделаем, как ты сказал, вброс. Что ты придумал?

– Есть человек, у него есть доступ ко всем документам, прям, как и у меня, он мог что-то найти, что объединяет пропавших, не знаю, общие работы или проекты, может несколько фотографий из далекого семидесятого, где все они отдыхали на даче у Брежнева. – у Кардинала появилась непонятная искорка в глазах и чуть дрогнуло веко, что это было? Азарт или воспоминания былой молодости? – Я смог найти его номер только недавно, хотя и поговорить с ним толком не смог, и пробил его маршруты. Он подолгу остается дома, может и неделю безвылазно сидеть, он часто ездит в больницу к больному сыну, в аптеки и магазины, но у него есть один странный маршрут, который я не могу определить, – ну, приврал чуточка, бывает. – Один адрес какой-то. Я его подозреваю! – лицо Кардинала отчетливо выражало полное недоверие к моим словам.

– Ты про Энди говоришь?

Глава 6. Что имеем – не храним, потерявши – плачем.

Куда приятнее играть в шпионов, чем в подпольщиков. Шпион работает в чужой стране, подпольщик – в своей, но оккупированной.

(Сергей Лукьяненко)

– Да-а-а-а, про него, – опешил я.

– Из отдела кадров? – лицо Кардинала все еще светилось недоверием.

– Да, из него. – я успел отчаяться хоть что-то понять.

– Забудь, я не буду на него доносить! – Кардинал ткнул тростью в пол.

– Так, я вот сейчас совсем не понял что-то...

– Что ты узнал про Энди? – Стейт сложил ладони в замок, как бы выражая уже всем своим видом, что выслушает все мои подозрения и извалает их в моих собственных соплях.

– Все, что сказал, только еще то, что у него при родах умерла жена, а его ребенок в коме с момента рождения.

– Так вот, отцепись от него. Я познакомился с Энди очень давно, еще до трагедии. Он был жизнерадостным и веселым человеком, его жена была солнышком нашего института. Их все, абсолютно ВСЕ, сотрудники поздравили, когда они поженились, и я не знал красивее пары, чем они. Знаешь, что? В тот день, на кладбище было две свежих могилы. Хоронили какого-то генерала и его жену. Генеральская могила бы-

ла серым пятном, по сравнению с ЕЕ могилой! Было столько цветов, что креста видно не было. А слезами можно было заполнить долбанный Байкал. Ты меня понял? Не трогай убитого горем человека. Он уже забыл, что значит быть счастливым. Пусть хоть новых проблем не будет.

– Договорились. – я не мог настаивать, хотя, для меня, был почти очевиден мотив – помешательство из-за смерти любимой. – Скормите своим друзьям мою версию! Я от него отстану, как Вы и просите, но это даст нам возможности маневрировать. Если они контролируют наши действия, то пусть у них будет та информация, которой я поделился. Я сам не считаю Энди преступником. У него есть алиби на все время, когда исчезали Ваши коллеги. В эти дни он был с сыном или сидел дома. По крайней мере, его телефон был в этих местах. Я не могу ему ничего предъявить, но пусть это будет наш плацдарм для дальнейшей работы! Дайте мне еще зацепок!

– Я поговорю с друзьями. Обещаю. Но не уверен, что они поддержат твои идеи. Они тоже знают Энди. Сомневаюсь, что хоть кто-то станет игнорировать его историю. Ладно, иди, завтра сложный день.

– Хорошо. Спасибо. Позвоните мне вечером, ладно? – я хотел, как можно быстрее уйти из его кабинета. Мне было тошно от всего сказанного. И если хотя бы половина была правдой, то в тот день хоронили не двух людей, а четверых.

– Тоби, постой, возьми оплату. Я совсем забыл.

Я молча взял из старых рук конверт, на котором был запи-

сан диапазон дат *31.08-6.09* и вышел из кабинета. Дверь захлопнулась за мной сама, окно все еще было открыто, а трубка снова набивалась табаком из старого кисета. Кардинал не обманул, он все-таки ждал, что я смогу себя оправдать. Может хотел показать зубы, напомнить, кто здесь власть. Не знаю, но сегодня я напьюсь.

До конца дня я был словно в воду опущенный. Не было никакого настроения общаться хоть с кем-то. Не понимаю, как при всей депрессивности ситуации в НИИ люди не перестают улыбаться? Может у них везде есть тайные клубы? У Кардинала в клубе раздают годы жизни, а у этих – LSD... Было бы здорово оказаться с ними на одной тусовке. Обрадовала меня только Кэти, которая терлась на административном этаже, явно выискивая меня.

– Меня позвали! Меня позвали! Ура-а-а-а! – Кэти буквально прыгала от радости, но все равно шептала.

– Куда позвал? Кто позвал? – видимо, нужно проработать в этом НИИ лет пять, чтобы начать понимать этих ученых.

– Завтра будет закрытая церемония. Она проводится раз в десять лет, последняя была в 2010 году! И туда пускают очень узкий круг лиц. Как говорят, только тех, кто заслужил доверие, представляешь! Кто молодец? Я молодец! – Кэти начала танцевать победный танец, хотя все еще говорила шепотом. – Я даже и не думала, что меня позовут! Как же это здорово!

– Ты умница, поздравляю! – я искренне радовался за нее,

но ее счастье никак не подходило под мое настроение, которое стремительно падало все ниже и ниже.

– Спасибо-спасибо-спасибо. Только, тс-с-с, никому, понял? Мне даже коллегам запретили рассказывать.

В шесть часов вечера, из своего окна я заметил, как в лучах заходящего солнца от здания НИИ отделяется фигура Кэти. Она пошла не прямо к гостинице, а в другую сторону. Либо подумала, что на нее кто-то смотрит, и, как я научил, пошла проверять и сбрасывать хвост, либо просто захотела прогуляться по хорошей погоде, зацепить последнее летнее тепло. Через полчаса я тоже начал собираться, выключил компьютер, попрощался с коллегами и начал спускаться по лестнице в сторону выхода, где и заметил причину, почему Кэти пошла в обход. У дверей терся какой-то мужик. Самое смешное, что моя характеристика его практически полностью описывает. Средний рост, синяя джинсовая рубашка, светлая кепка и солнцезащитные очки. Джинсы обычные. Кроссовки не фирменные. Рюкзак самый простой, из какого-нибудь дешевого гипермаркета спортивного инвентаря, где такие штампуют миллионными тиражами. Он был настолько непримечательным, что бросался в глаза, но самое интересное, что я видел его первый раз в жизни. Хотя я уж точно запомнил всех обитателей НИИ наизусть. Ну и ладно, раз Кэти пошла налево, то я пойду направо. Мой маршрут прошел через один магазин одежды, где я старательно выбирал себе рубашку, а через зеркало в зале заметил проходя-

щего мимо «какого-то мужика», который очень ненавязчиво уперся черными очками мне в спину, исподтишка я достал телефон и сфотографировал свое отражение в зеркале. Да, мой преследователь явно попал в кадр. Кроме того, домо-рощенный шпион вместе со мной посетил два продуктовых магазина, где я покупал все, чтобы приготовить лазанью, а мой попутчик сильно интересовался морепродуктами и кисломолочкой. После очередного магазина я вызвал такси, где не указал конечного адреса. Поездка выдастся очень дорогой...

– Куда едем? – повезло, таксист оказался мой соотечественником и говорил без акцента, значит не придется долго объяснять.

– Смотри, я плачу тебе по счетчику, умноженному на два. Ты везешь меня в самый центр города, потом я выйду, ты отъезжаешь на полкилометра и скидываешь мне адрес, где ты припарковался, потом мы едем на любую окраину по всем дворам, собираешь все возможные светофоры и пробки, но, когда я дам тебе сигнал, ты едешь так быстро, как только можешь. Ты точно выполняешь мои указы. Как только путь будет свободен, мы поедем по нужному адресу. Если все сделаешь, как надо, то ночью приедешь домой с премией от моего лица. Все понятно?

– Хозяин-барин. В центр?

– Так точно, шеф. Не торопись пока.

Пока мы ехали я набрал Кэти:

– Ты дома?

– Да, ты тоже его видел?

– Какого-то мужика в джинсе?

– Да, именно его. Я так испугалась, но сделала все по твоим инструкциям, ты скоро?

– Жди ближе к ночи. Он, кажется, не один. Сел только что в тачку с водителем. Стекла с тонировкой, не вижу, сколько их там.

– Будь осторожнее, хорошо?

– Не волнуйся, разберусь как-нибудь.

Водитель, после того, как услышал мою часть диалога с Кэти, кажется, напрягся.

– Шпион? – спросил он меня.

– Что? А, нет, не шпион. Частный детектив, и, кажется, я кому-то не нравлюсь. Все нормально?

– Да, шпионов возить не так страшно, как пьяных. Но если они мне пулями машину испоганят, то я заставлю тебя заплатить за ремонт! – не отрываясь от дороги, водитель ткнул в мою сторону большим пальцем. Вот она, истинная сущность таксистов. Не переживает, что подстрелят его, переживает за машину. Конечно. Каждый должен беречь кормилицу. А если все сложится удачно, то он еще неделю сможет женушку свою деликатесами в ресторанах кормить.

– Не беспокойтесь, шеф, они бы давно огонь открыли, я был, как мишень по меньшей мере минут сорок. Думаю, просто слежка. Хотя, непонятно зачем.

Так мы проехали по всему маршруту, я вышел минут на 15 где-то в центре города, где я был только в детстве на экскурсии, зашел в случайный музей, и мне повезло, что в нем был маленький буфет с запасным выходом. На крылечке я долго смотрел по сторонам, притворяясь, что разговариваю по телефону, никого не было, и я направился на парковку, адрес которой скинул мне таксист.

Еще час мотаний по закоулкам промзон и дворов, я понял, что мы конкретно так встали в пробке, нигде не было видно машины моих преследователей. Всю дорогу я пытался сфотографировать, или хотя бы разглядеть, их номер, но тряска и темнота стали помехой моим планам. Мы проскочили светофор, и я дал сигнал таксисту гнать резко налево, нарушая разметку. Все было выполнено без лишних вопросов. Возле гостиницы мы остановились, водитель выключил счетчик, мы рассчитались суммой, которая превышала ценник примерно в два с половиной раза, ну округлил в большую сторону, и оставил пакеты с продуктами.

– В пакетах все ингредиенты для приготовления лазаньи болоньезе. Попроси жену, пусть приготовит.

– Точно супер-детектив, как понял, что я женат?

– Много признаков, например, глаженная футболка, фотография на козырьке и обручальное кольцо.

– А, ну, да, точно... Вот, возьмите мой номер, если понадобится, то подвезу!

– О, спасибо, – я посмотрел на визитку, – Курт! Позвоню!

Хорошего вечера, жене привет!

Кэти явно ждала меня, причем, явно нервничала. Заметно было, что она не могла найти себе места, приготовила поесть и выгладила все постиранные недавно вещи.

– Привет-привет. Все нормально?

– Да, Кэти, не переживай, это была простая слезка, причем ребята явно не знали, где мы живем. Точнее, судя по всему, где я живу.

– Точно, за мной не пошли, я не заметила никого.

– Это может означать ровным счетом ничего. Хотя, судя по их «профессиональной» слезке, шпионы из них такие себе, сбросил я их довольно быстро.

– А кто это был, я не смогла узнать никого.

– У меня есть фотка.

– Ты серьезно? Как ты его снял? Дай посмотреть!

Я показал снимок из зеркала в магазине, качество получилось слабое, но рассмотреть лицо было можно. Кэти заинтересовалась, что я смогу с этим сделать, на что я ответил многозначительным молчанием и набрал номер своего штатного хакера.

– Привет, Джимми... Да... Сейчас скину фотку, посмотри, может найдешь совпадения... Да, полночь. Я только приехал, сбрасывал хвост! Слушай, не хочешь, не надо, просто завтра собирай вещи и сваливай на все четыре стороны. Я тебе на адвокатов тратил деньги не для того, чтобы ты меня отчитывал!

Кэти явно не понравилась моя манера общения с раздолбаем-хакером, зато ей понравилась моя новая рубашка, которую она тут же примерила и завершила меня, что теперь это ее рубашка.

– Ты же понимаешь, что если ты придешь в мужской рубашке в лабу, то точно пойдут слухи.

– Ты удивисься, если узнаешь, что весь НИИ уже обсуждает нашу личную жизнь? Общажные знакомые уже всем раззвонили, что я переехала, а еще, однажды, после пивнухи, именно ты провожал меня, а? Как тебе такое? Теперь, как порядочный человек, ты обязан на мне жениться.

– Да, Кардинал, видимо, оттуда же слухами набирается?

– Стейт говорил обо мне?

– Ага, заикнулся, так сказать. Все нормально, не переживай! – тут резко зазвонил мой мобильник. – Да? Здравствуй-те, господин Кардинал... Завтра в 12?.. Эм, это точно комфортно? Как я понимаю, это закрытая вечеринка, только для ученых... Ваше приглашение я не могу отвергнуть, конечно. Спасибо, профессор. Буду... Доброй! – я еще раз посмотрел на экран телефона, нет, этого просто не должно было случиться, она меня точно пристрелит! – Кэти, кажется, завтра мы идем на церемонию вместе.

– Что, простите? – я, видимо, задел ее самолюбие, раз вызвал нарастающую ярость на лице Кэти. – Я трудилась, жопу рвала, по пять статей за год, несколько конференций, только чтобы меня пригласили, а тут приходишь ты, весь такой су-

пер-детектив, и тебя сразу приглашают?!

– Так, Кэти, спокойно. Я не напрашивался, мы пошли на сделку, я им инфу, они мне инфу. Видимо, они так понимают термин «информация». Может, они ждут, что я там увижу кого-то, подмечу новую зацепку. В любом случае, завтра, а точнее, уже сегодня, в 12 дня мы должны быть на месте. Где это?

– Во внутреннем дворе. Только одна дверь, нет ни одного окна, а институт закрывает стенами все четыре стороны квадрата.

– Миленько... – заключил я.

На следующий день нам было позволено приехать на работе к 11 утра. Мы красиво оделись: я в светлую рубашку и белые брюки, Кэти надела сарафан. С погодой тоже повезло – безоблачное небо, яркое солнце и жара, совсем не свойственная для начала осени. В 11:55 мы спустились к неприметной двери, которой пользовались, очевидно, раз в десять лет, так как на ступеньках лестницы, справа от нее, лежал толстый слой пыли. Во внутреннем дворе уже стояли молодые мужчины и женщины, а кроме них профессор Стейт и его коллега, которого я видел в самый свой первый день в НИИ.

– Ну, вот все и в сборе! – старческим голосом проговорил последний. – Можем начинать, профессор Стейт?

– Да, коллега, начнем! Доброго дня! Друзья, вы – надежда

нашей науки! Вы – наше будущее! Вы – те, кем мы были когда-то давно! Вы – все, на что мы, старики, можем надеяться! В стародавние времена, самые первые ученые говорили, что настоящий чистый разум, самое чистое сознание способна остановить только смерть, и чтобы отсрочить ее пришествие они придумали ритуал, традицию проводить который мы блюдем уже очень давно! С этого момента, вы все пойдете по пути, с которого уже нельзя будет свернуть, я говорю о чистой науке, которая не может быть хорошей или плохой, доброй или злой, черной или белой. Я говорю о том, что любой из вас ступает на дорогу, которая покрыта выбоинами, на которой полно перекрестков, слева от вас будет непроходимое болото, справа будут возвышаться отвесные скалы. На этом пути не будет отдыха, не будет остановок. Никогда не останавливайтесь, никогда не отступайте, и только в этом случае вы дойдете до ее конца, когда сможете передать все свои знания, весь свой опыт следующему, который рискнет называть себя ученым.

Кардинал зажег спичку и кинул ее в большую емкость, напоминающую казан, только глубже, в которой лежали какие-то тряпки и ветки. Огонь вспыхнул ярко, он переливался неестественным красным и оранжевым цветом, но очень быстро потух, всего за какую-то минуту. Кардинал взялся за деревянные ручки емкости и подбросил содержимое высоко в воздух.

Картина, которая мне открылась была неопишима. Пепел,

будто снег, крупными хлопьями, подхваченный легким дуновением ветра, кружил в лучах полуденного, еще летного, солнца. Свет проходил сквозь них, создавая невообразимые фигуры, отражаясь бликами на белых стенах НИИ. Пепел то всплывал вверх, то стремительно падал, то снова улетал, его хаотичность и бессистемность завораживала. И вот, наконец – затишье, и хлопья покрыли наши плечи и головы, еще секунда и они будто растворились на нас, не оставляя следов ни на коже, ни на одежде. Они растаяли, будто настоящий снег. Я посмотрел на молодых ребят, которые стояли рядом со мной и ощутил невероятное единение, хотя не был знаком лично и с половиной из них. По лицу Кэти текли слезы, она подошла ко мне, уткнулась лицом в грудь и расплакалась окончательно. Стейт смотрел на нас и по его испещренным морщинами лицу тоже текли слезы. Он поймал мой взгляд, что-то проговорил одними только губами и, развернувшись, стремительно ушел. Его коллега двинулся за ним.

Через две недели исчез господин Кардинал.

Глава 7. Время возвращаться в родные пенаты.

«В его памяти зазвучала строфа из Ловласа:

Железные решётки мне не клетка,

И каменные стены – не тюрьма...

Однако он придал этим словам новое значение, совсем противоположное тому, что имел в виду поэт.

“Нет, – размышлял он. – Тюрьма остаётся тюрьмой, даже если она очень просторна и у неё нет стен и решёток”»
(Рафаэль Сабатини)

С Кэти мы пришли в дом Кардинала на третий день его отсутствия на рабочем месте. Записок он не оставил, и никому не сообщил о том, что собирается куда-то уехать. Хотели вызвать полицию, но решили, что стоит вначале заглянуть в его квартиру. Ночью, чтобы не привлекать лишнего внимания, мы облазили всю его нескромную обитель, не обнаружив ничего интересного. Дверь захлопнута, но не закрыта на ключ. Никаких следов взлома или даже сопротивления. Только телефон, который лежал на тумбочке возле кровати. Возле дома и на козырьке подъезда камеры наблюдения не работали, более того, некоторые из них были муляжами. В портфеле лежали документы и работы Кардинала, полки были заполнены научными трудами, справочниками и различной художественной литературой. В комод лежали какие-то деньги, даже коллекция дорогих на вид часов не заинтересовала похитителей. Целью, очевидно, был сам Кардинал. Может, его умения и знания? Но у них и так уже много ученых, которых они выкрали за эти два года.

Следующим же утром я связался с человеком, номер которого мне сообщил Кардинал в один из первых моих визитов к нему. Этим доверенным лицом был престарелый ученый, правда, из другого института, аббревиатуру которого я

не смог запомнить, даже если бы репетировал ее перед зеркалом неделю к ряду. Выслушав все мои идеи, он сделал мне предложение: мне продолжают платить, и выдадут все деньги, о которых мы говорили с профессором Стейтом, если я закончу дело за два месяца. Середина ноября, конечно, маячила перед глазами, но старик точно дал понять, что не разделяет надежд Кардинала по моему поводу. Мол, это была целиком и полностью его инициатива, а друзья просто поддерживали его. Я поделился этим с Кэти, она, конечно, попыталась меня утешить, мол, расследование продолжается. Только мы не могли зацепиться ни за одну деталь. Через неделю после исчезновения профессора я снова пошел во внутренний двор НИИ. Единственное, что я заметил нового, это цепочка следов на пыльной лестнице. Одни шли наверх, другие же, перекрывая первые, спускались вниз. Дрожа от нетерпения, я прождал в кабинете отдела кадров до самого вечера, когда последний сотрудник института, кроме ночного сторожа, покинет здание. Я поднялся, стараясь не нарушить следы и создавать как можно меньше шума. Лестница вела на все этажи, но следы вели все выше и выше. Стоптаные ступеньки, покрытые пылью, поскрипывали под подошвами, и этот звук отражался от стен тревожными откликами. Наконец, я увидел железный люк, прямо над головой, к которому поднимались металлические ступени, насквозь изъеденные ржавчиной. Других проходов не было, а следы заканчивались и начинались снова именно здесь. Делать нечего, я за-

прыгнул на лестницу, поднялся к такому же ржавому люку и толкнул его вверх. Раздался протяжный скрип несмазанных петель. Крыша. Очевидно, непрошенный гость наблюдал за всем происходящим сверху. Кто это был, и как все это связано с похищением Кардинала, я не знал, был ли он просто любопытным студентом, решившим подсмотреть, или тайным похитителем, вынашивающим одному ему известный план?

Джимми тоже не оправдывал оказанное ему доверие и не мог найти хоть какие-то зацепки по поводу преследователей, что сопровождали меня до центра города. Хотя я видел их еще пару раз. К Кэти они не совались. Мы просмотрели все камеры наблюдения по пути от НИИ, до самого дома Кардинала, даже каким-то чудом подкупили сотрудников метро, чтобы нам дали одним глазком взглянуть на записи видеонаблюдения. Никто не вел себя странно, не преследовал Стейта и даже не приближался к нему. Никаких подозрительных телефонных звонков. За этими мыслями, обысками и бесполезными метаниями от зацепки к зацепке наступил октябрь. И в один вечер, через две недели после исчезновения Кардинала, домой не вернулась Кэти.

Обзвонив все больницы, все морги, пробежав дважды каждую улицу в окрестности, я не заметил, как закончилась ночь. Рано утром, как только открылся институт, я с ноги вынес дверь охранников института и потребовал с них данные камер наблюдения. Свой отказ они аргументировали тем, что у них нет полномочий раздавать сведения каждо-

му, кто попросит. Послав на три буквы прикрытие, я показал корочку частного детектива, пригрозил полицией и сокрытием улики. Хотя мое удостоверение не имело никакой силы, но охранники оказались достаточно напуганы. Они согласились, и я потратил еще несколько минут, наблюдая, как люди входят и выходят из НИИ, заметил Кэти, на выходе она повертела головой, видимо обнаружила слежку и повернула налево. Мужик, одетый в простую и непримечательную одежду, по комплекции походивший на моего недавнего знакомого, пошел за ней. Он позвонил кому-то, и не успела Кэти выйти из поля обзора камеры, как ее схватили и затолкали в черную легковушку с тонированными стеклами.

Еще неделю я мотался по городу, собирая всю возможную информацию. Через департамент транспортных средств и полицию удалось выяснить малую часть маршрута, по которой проехала старая иномарка похитителей. Передние номера были полностью заляпаны грязью, а вот задние, хоть частично, удалось разобрать. Не хватало по цифре и букве, но хоть что-то я смог отправить Джимми. Следы автомобиля потерялись на северном выезде из города, дальше о направлении можно было только гадать. На следующий день были обнаружены два черных тонированных седана. Их зафиксировали камеры контроля скорости. У Джимми появилась новая задача – взломать максимальное количество камер на основных дорогах в северном направлении. Он же сообщил, что очень похожая машина была украдена в столице

больше месяца назад, владелец обратился в полицию, заявление отличалось точным описанием авто: от диаметра колес, до царапин на лобовом стекле. Я тут же позвонил возможному хозяину и договорился о встрече, в надежде, что он определит свой собственный автомобиль. Попытка провалилась. Мужчина не опознал свою «ласточку», хотя это и была та же модель, но явно была не его. Он даже показал фотографию. Машина, на первый взгляд, была копией той, которая увезла Кэти. Посмотрев на нее в дневном освещении, я невольно провел аналогию с той, которая преследовала меня в августе. Мужчина же указал на различия наших снимков: немного другие колпаки, фары ксеноновые, а не обычные, тонировка, другой формы боковые зеркала. Он также напомнил, что на его любимой машине была царапина на пассажирской двери длиной около тридцати сантиметров. В общем, тупик. Джимми тоже молчал, он уже получил доступ к камерам, теперь оставалось только проанализировать гигабайты информации. К такому непростому делу он подключил всех в агентстве. Но прошла неделя и я начал терять надежду.

И больше нечего было делать в этом сером октябре.

Город быстро потерял все краски, которые так тщательно копил все лето. Не осталось на тротуарах и в парках зеленых оттенков. Только серость. На смену яркому солнцу пришли постоянные морозящие дожди. Сидеть в столице не имело больше никакого смысла. Долго собирать вещи не пришлось,

все уместилось в спортивную сумку. Ноутбук, документы, улики и наша фотография с Кэти в зоопарке ушли в рюкзак. Я сел в поезд с надеждой, что больше никогда не вернусь в этот серый город. За окном еще мелькали панельные дома спальных районов окраины, когда зазвонил мобильник.

– Тоби, я, кажется, нашел того «мужика» в синей куртке. А также всех его возможных сообщников! – Джимми активизировался или мне показалось?

– Слушай, Джимми, плевать, я еду домой.

– Да, нет, Тоби! Это он Кэти похитил! Я только что прочитал новость.

– Какую новость? – мне не удалось скрыть своего отчуждения.

– Вот, час назад обнаружили сгоревшую иномарку в какой-то глуши. Туда грибник случайно забрел, на дым пошел, думал, что друзья его, а там машина горит. Ну, он и вызвал спасателей. Недалеко нашли номер. Он, конечно, оплавился знатно, но цифры можно разобрать!

– И что? Ну, бросили эту тачку, сменили. Найти Кэти это все равно не поможет.

– Оставь отчаянье, начальник! Я все проверил. Нашел три камеры неподалеку. Последняя засекала, как тачка заехала в лес. Да не одна, а с провожатой. Вторая машина была проще. Ее пробить оказалось не так сложно, судя по всему, ее даже купили более или менее официально, но не на физическое лицо, а на юридическое. Так вот, вторая камера, на выезде

из городка в десяти километрах от этой чащи, находилась на заправке и очень хорошо засняла момент, где двое мужчин пересаживают твою Кэти в новую машину. Самая первая камера уже значения не имеет, но она ухватила женский силуэт в открытом окошке первой машины, когда те проезжали мимо банка.

– То есть, они неделю не показывались ни на одной камере, а тут попались сразу на три?

– Кто тебе сказал, что не попадались? Просто их тяжело было отследить. Если бы не эта сгоревшая тачка, то я бы и сейчас понятия не имел бы, где они. А теперь я точно знаю, кто они и где обитают.

– Ну! Не молчи!

– Если вкратце, то это частное охранное агентство. В интернете полно отзывов, что они подрабатывают то коллекторами, то охранниками у нуворишей, то вышибалами на частных вечеринках. В общем, ты правильно заметил, что контингент тот еще. Они не брезгают разбоями, похищениями и шантажом, но ума у них маловато. Поэтому ты так легко ушел от их слежки.

– Дружище! Ты молодец, напомни поднять тебе оклад! Они в столице? Твою мать, я же только в поезд сел... Ладно, сойду на следующей станции.

– Не торопись. Они обитают в каком-то северном городке. Тебе надо будет крепенько приодеться, закупиться провизией и ехать в поезде около трех суток. Они, кстати, недавно за-

светились там. Попали под камеру. Нарушили разметку на перекрестке, вот и засветились. Поезд от нас в этот город тоже идет. Так что не придется возвращаться в столицу. Ждем всем агентством!

Коллега сбросил звонок. Теперь меня не одолевали тоска и уныние. В сознание поселилась надежда, что я смогу найти этих загадочных личностей и докопаться уже хоть до какой-то правды. Впервые в жизни я хотел, чтобы поезд как можно быстрее прибыл в пункт назначения. Через минут двадцать это чувство отступило. Пришло время для рационального мыслительного процесса. Все равно мне еще трое суток ехать в поезде до этого городка. Плюс ко всему, надо будет снять денег с карт. Часть оставить в сейфе агентства, другую часть – рассовать по карманам. По мелочи оставить в безнале. Купить билеты, провиант. Я прогуглил название города, оказалось, что там сейчас уже довольно холодно, и неделю идет снег. Значит еще и куртку зимнюю купить. И какую-нибудь удобную обувь.

Через несколько часов я уже стоял на перроне, высматривая машину такси. Еще пять минут, и такси везло меня домой. Раннее утро в моем родном городе. Солнце, которое еще пытается греть, отражается от покатых крыш частных домов. В небольших оврагах, которыми испещрен город, клубится туман. Люди еще не успели привыкнуть к осенней прохладе, пытаясь плотнее укутаться в тонкие ветровки и кожанки. Кто-то, несомненно более теплолюбивый, уже щего-

лял в осенней куртке, правда, расстегнутой, все-таки солнце пыталось отдать последнее тепло горожанам. Я ехал в такси и впервые за неделю улыбался. Может, правда, родные стены... «И каменные стены мне не тюрьма, и железные прутья не клетка», хотя, может и не в тему немного...

По крайней мере, пока едет такси, я свободен подумать о планах. Во-первых, конечно, домой. В офисе есть жесткие правила, которые я сам и установил – рубашка, брюки, галстук. Потом на работу. Приеду чуть позже, чем открытие, но мне можно. Проведем мозговой штурм с коллегами, определим вектор развития событий. Дальше все будет зависеть от плана, что мы разработаем. Возможно, магазины, банки, вокзал. Может, что-то совсем иного рода.

В квартире меня ждал сюрприз. Замок был выдавлен. Дверь вскрывали, весьма топорно, не сильно заботясь о качестве проделанной работы. В прихожей было темно, не включая свет я проверил туалет и ванную, на цыпочках пробрался в спальню – никого. Гостиная и кухня не отличились. Повсюду бардак. Определенно, что-то искали. Но сомневаюсь, что нашли. Никаких данных в квартире я не хранил. Все мои дорогие вещи могли бы поместиться в рюкзак, который я чаще всего ношу с собой. Искали тщательно, но уж очень бессистемно. Не были вскрыты тайники, в которые я обычно кладу улики во время следствия, если не успеваю заехать в офис, были сорваны рамки со стен, но сами они были целыми, матрас сняли с кровати, но не разрезали, в поисках записок. Из

этого всего я смог заключить лишь то, что орудовали те же идиоты, что преследовали меня в столице. Были они совсем недавно, пыль не успела заполнить новые просторы. Убираться не было желания, я попробовал успокоиться: ничего не нашли, а по квартире могут быть разбросаны отпечатки пальцев и улики. Что-то точно поможет. Во всей этой разрухе я откопал повседневный костюм, который столь удачно оказался запечатан в чехол для одежды и даже не помялся. Снова вызвал такси, прикрыл пришедшую в негодность дверь и вышел на улицу. День потихоньку побеждал утреннюю суету. Улицы опустели, горожане, так спешащие спозаранку на свои рабочие места, уже заваривали кофе в душных офисах. В косых лучах солнца мелькали только неустанно желтеющая листва и студенты, решившие прогулять пары и в последний раз насладиться солнцем. Странный выдался нынче октябрь.

Глава 8. Держи друзей близко к себе, а врагов еще ближе.

Не полагайтесь слишком сильно на кого-нибудь в этом мире, потому что даже ваша собственная тень покидает вас, когда вы в темноте.

(Ибн Таймия)

Коллеги встретили меня радостным шумом. Мужчины жали руку, девушки обнимали. Я тоже улыбался им. Их жиз-

ни не были тронуты столичными выкрутасами. Я сделал объявление, что через 30 минут жду всех в конференц-зале. Попросил помощника вечером навестись в мою квартиру и изучить каждый сантиметр. Зал был уже полон, когда я пришел с ноутбуком и плотно набитой папкой. Я подключил оборудование к проектору, начал вводить всех в курс дела. Дал слово Джимми:

– Итак, как и сказал Тоби, мы наткнулись на организацию. Обитает она в городе, что нескромно называется Север-3. Очевидно, из названия, там уже сейчас дубак под -20 градусов, снег идет вторую неделю и судя по фотографиям, городок не может похвастаться развитой инфраструктурой и налаженными коммунальными службами. Градообразующие предприятия – кирпичный завод и узловая железнодорожная станция. Контингент – смешанный, в основном – среднего возраста от 35 до 50 лет. Молодежь уезжает после 18 лет, на ее место приезжает деревня. Из общественных мест только баня и разливайка «Мутное стеклышко». Утрирую, естественно. Вузов нет, ПТУ тоже. Есть школа на 200 человек. Физрука в прошлом году выгнали за домогательство, директор – заслуженный учитель. Из интеллигенции – только инженеры с завода и станции. И те медленно, но верно спиваются. Из хорошего: город очень древний, был когда-то оплотом каких-то первопоселенцев или завоевателей. Под городом находится сложная сеть тоннелей, что-то типа катакомб. Их пытались исследовать, но не нашли ни

входа, ни выхода. Пытались финансировать исследования, но деньги закончились на стадии распила, так что георадаром прочесали пару кварталов, установили, что глубина тоннелей около 25 метров, а возраст больше тысячи лет. Также существует мнение, что это и не катакомбы вовсе, а просто такая геометрия улиц, а все под землей оказалось из-за изменений ландшафта. Там лет 900 назад вулкан начал извергаться, из-за чего никто не жил на пепелище еще половину тысячелетия. Из достопримечательностей – музей, где рассказывают все эти древние дела, и памятник рабочему заводу, которого кто-то из местных сдал на лом лет десять назад. Сейчас осталась только кирпичная стела с табличкой и пара ног на ней.

– Похвально, что по организации?

– Мутные ребята, разбойники с большой дороги. Владелец держит разливайку и крышует кирпичный завод от налоговой. Это только официально. Там много всего намешано, что не лежит на поверхности. Сотрудники – все, как один, отслужившие и отсидевшие, или, по меньшей мере, с приводами. Кормятся заказами со всей области. То какую-нибудь дочку безопасно перевезти, то вечеринку от посторонних защитить, то долги стрясти. Гастролируют по всей округе, требуют не мало. Репутация – неоднозначная. Клиенты не распространяются, а цели – помалкивают. Полиция, считай, у них на зарплате. Постоянного места обитания нет, насколько мне известно. Заказы принимаются по телефону, а

с недавнего времени – еще и в даркнете. При этом назначается встреча в людном месте, на которой и обсуждаются все нюансы и цена. Ах, да, консультация платная.

– Ты откуда это все узнал?

– Позвонил. Не, ну а что? Про них нигде ничего нет. Сайт – не сайт, а одно название – хакнул я его за шесть минут, еще и покурить успел, по ай-пи вычислил город и прогера, который этот сайт делал. Связался с ними, придумал липу, попросил о встрече. Они ответили, что перезвонят завтра, считай сегодня, уточнить время. Но не перезвонят – я выкинул симку. Еще вопросы?

– Да, как они вышли на мою квартиру? – в конференц-зале повисла тишина, все переглядывались с непониманием. – Я приехал, а в моей берлоге хаос, и взломанный замок. У них есть выход на кого-то, кто пробил мое личико по базам, а мы с вами знаем, что мой светлый лик есть только в одной базе, доступ к которой имеет человек 40 по всей стране!

– Ты хочешь сказать...

– Да, два варианта: первый, и самый оптимистичный, что в нашем добром агентстве завелись паразиты, которым не очень хочется жить на свободе. Второй вариант – они завязаны на правительство. Тогда мы ничего не сможем сделать. Есть еще варианты? Доводы? Аргументы?

– Да, они могли отследить звонок Кардинала, тогда, еще в июне! – девушка в обтягивающей юбке до колен даже при-встала, чтобы все услышали ее догадку.

– Отличная мысль. Но нет. Звонок шел на мобильный, а не городской. Раз! Разговор был коротким, не выследили бы. Два! И третье – разгром устроили максимум неделю назад – пыли особенно нет. Так чего им ждать три месяца? Но вариант был хорошим. Еще?

– Кэти что-то рассказала? Под пытками, например? – меня передернуло от этой фразы, но я все-таки нашел аргумент против.

– Нет, она не знала даже откуда я родом.

– Может, кто-то пробил твой адрес по имени и фамилии?

– Не-а, квартира оформлена на... другого человека... – квартира была оформлена на мою троюродную сестру. Мы пытаемся поддерживать нормальные взаимоотношения, и в знак доброй воли купил квартиру, а оформил на нее, это устраивало всех, если ей нужен будет кров – всегда есть уголок, а я не слил информацию в общий доступ.

– Может, все банально, проследили и все?

– Я же говорю, только недавно ломанули. Я в столице уже несколько месяцев, зачем ломать только сейчас?

– Так, стоп, ломать только сейчас имеет смысл. Тебя хоть и подозревали, но на такой неприкрытый криминал идти из-за подозрений – глупо. А потом, когда Кэти пропала, ты скинул прикрытие. Тут-то и провели обыск.

– Логично. Молодец. Только все еще не понятно, как они нашли адрес?

– Я кажется понял. – с места встал мой помощник, ли-

цо которого меняло оттенки с серого на красный и зеленоватый. – Они и за нами следили. Проследили твои звонки Джимми, мне или любому из нас. Вышли на меня.

– А ты тут причем?

– Я поливал цветы в твоей квартире... Я знаю, что ты не просил. Но я помню, что ты пылинки с них сдуваешь. И подумал, может, забегался, забыл попросить.

Первым заржал хакер, потом я, потом девушка-курьер, которая бегает по городу с документами и была у меня в квартире, восхищаясь моими цветочками. Все остальные откровенно не понимали нашего веселья и начинали раздражаться.

Пересилив себя, но все еще содрогаясь конвульсиями, я изрек только одну фразу, от которой заулыбались все, кроме помощника: «Они искусственные!».

Кто же знал, что мои искусственные цветы, с которых я буквально сдувал пыль, станут причиной столь комичной ситуации и разгромленной квартиры.

– Ладно, флорист, бери спецов и езжайте улики собирать. Если замки смените, то буду благодарен. Да, легенда стандартная – клининговые услуги. Если и уборку сделаете – то всем премия. Господин хакер, набери людей – за трое суток в поезде я должен выучить каждый переулок в городе Север-3. Я должен знать каждую камеру и бабку у подъезда. Каждый магазинчик и притон. Мне нужны маршруты – наполовину туристические, наполовину наши. Ясно? Хорошо.

Еще мне нужен список станций на маршрутах до этого городка и моя стратегия отступления, если все пойдет наперекосяк, также проработайте легенду. Желательно все это оформить на бумаге или носителях. Но никаких электронных писем. Группа номер 3, не сотрудничайте со второй командой. Каждая группа будет действовать независимо друг от друга. За билеты я буду отвечать сам. Никто и ни при каких обстоятельствах не обсуждает сегодняшнюю планерку. Чтобы я услышал название Север-3 только на узловой станции города с кирпичным заводом, понятно? Перед выполнением задач зайдите в кабинет для индивидуального инструктажа. За работу!

Я все еще подозревал своих коллег, по этой причине и дал каждой группе дезинформацию. В список моих выдумок вошли время отъезда и, соответственно, прибытия, мой сегодняшний распорядок дня, в том числе, когда я пойду в банк, а также три новых номера телефона, которые я купил до приезда на работу. Так как номера были новыми – разные операторы, и разные салоны связи, разные данные, на которые регистрировали симкарты – то я ожидал звонков и прослушки только от своих коллег и предположительных похитителей. Прослушку довольно легко услышать, особенно, если телефон простой. При звонке можно уловить помехи, будто стоишь рядом с радио. Чем проще телефон, тем проще услышать, что в диалоге участвует кто-то еще. Мои новые мобильники были как раз такими – бабушкины, с громким

динамиком. Самый сок!

После вброса дезинформации я вызвал такси и заплатил ему «за весь день». Мы сразу поехали на вокзал, но заметить там подозреваемых было совершенно невозможно. Один только показался мне подозрительным. Стоял с помятым букетом ромашек почти час, высматривая кого-то в толпе. Мои подозрения разрушились, когда к нему подбежала растрепанная девушка. Эх, студент, не цветы надо дарить, а еду. Я простоял в очередях четыре раза с перерывом в пять минут, купил четыре билета, при этом тщательно осматривая все пространство в большом холле вокзала. Никаких туповато-подозрительных личностей я снова не заметил.

Следующая остановка – банк. И снова ожидание на полтора часа. Здесь было побольше странных личностей. Пара попрошаек – непримечательные. Один мужик в куртке, которая прячет крепкое телосложение – пасет выход, но тоже не наш клиент – подходил сотрудник банка, принес ему кофе. Трое – в простой одежде, немного не по погоде, слишком легкой для этого октября – на расстоянии ста метров, не отрывают взглядов от входа, но смылись, когда уехала машина инкассации. В банке тоже прошло все быстро и чисто – такие же обычные посетители, каждый со своими проблемами. Часть денег я перевел со счета на карту. Примерно половину снял, потом закинул часть из них на другую. Дома распахнул оставшиеся по тайникам рюкзака, куртки и, конечно, в нашивку на трусы. Магазинов в моих дезинформацион-

ных листах не было указано, но на всякий случай, я просил водителя постоять минут пятнадцать на парковке торгового центра. Никаких признаков подозрительной активности. А учитывая, что эти товарищи умом не блещут, то глупо было бы ожидать от них сверхсекретной тайной слежки с применением оборудования, которое не доступно их пониманию. В ТЦ я тоже периодически посматривал по сторонам. Когда выбирал куртку, зазвонил телефон номер 2, который связывал меня с рабочей группой Джимми. Они хотели узнать, как у меня прогресс и когда я вернусь за планами, я ответил, что скоро буду, но не уточнял время. Телефон номер 1 зазвонил, когда я мерил зимнюю обувь с мелкими шипами на подошве. Спрашивали, о тайниках, я назвал их местоположение и способы, как их открыть. Больше ничем не интересовались. Третий звонок – снова от второй группы – и снова пустяк – сколько раз я собираюсь питаться, но в этот раз я услышал их – помехи. В бабушкофоне они были настолько явственные, что я на всякий случай протянул разговор на три минуты – ходил по магазинам, чтобы отбиться помех радио или какого-то телевизора. Это точно была прослушка. Осталось понять, кто слил инфу. Первой и третьей командам я позвонил, как только сел обратно в машину, чтобы предупредить о крысе. Они напряглись, но, кажется, все поняли. Заехал обратно в офис уже поздно вечером, когда остались там только конверты и флэшки, со всей интересующей меня информацией. Справедливости ради, как приехал, так и уехал, при-

чем сразу на вокзал.

Еще одно волшебное место – железнодорожная станция. Если вы редко ездите на поездах или всегда торопитесь, то вы никогда не видели этот широчайший диапазон эмоций, который столь просто читается в лицах разных людей. Мать плачет и провожает сына – единственного близкого человека – в другой город учиться. Шумная компания друзей отправляет своего друга в армию, стараются сделать так, чтобы он не видел грустных взглядов хотя бы сегодня, чтобы ему еще сильнее хотелось вернуться. Молодая семья разывается от грусти из-за того, что муж уезжает на заработки, чтобы молодая беременная девушка могла ни в чем себе не отказывать. Нелюбимая дочь в одиночестве сидит в сидячем вагоне и, улыбаясь от счастья, смотрит в окно на ненавистный город. Друзья уезжают в первое совместное путешествие. Столько людей, и все они кипят совершенно разными эмоциями. Их горе, счастье, печаль и радость контрастируют с серыми стенами старого вокзала. Будь их чувства чуть более материальными, то ни один поезд не смог бы сдвинуться с места.

Сегодня меня никто не провожал, я уезжал инкогнито, один в старом купе. Сегодня и завтра уедут еще трое Тобиасов Критов. Сейчас на часах 23:46. Поезд дернулся, через пару минут прошла проводница, я попросил у нее чаю. На удивление, напиток был совсем не плох. Раньше вкус шерстяных носков могли перебить только несколько ложек сахара или добрая доза коньяка. Первого не хотелось, а вто-

рое я решил оставить на завтра. Все-таки день был долгим, а я устал. Завтра, а точнее, уже сегодня, освоение материала под коньячок пойдет гораздо бодрее. Я решил прогуляться до купе проводницы, она меня заметила и поинтересовалась, чем она может мне помочь.

– Нет-нет, ничего страшного, просто хотел посмотреть, какие станции будут завтра днем! – проводница улыбнулась самой отработанной улыбкой, а я уставился в расписание. – А, еще хотел спросить, у меня в купе кто-то еще будет?

– Сейчас проверю, – девушка скрылась за дверью, откуда послышался шорох бумаги. – Пока нет, – донеслось из купе, – но покупка билетов еще открыта.

– Понял, спасибо, сегодня могу спать спокойно, да?

– Да, конечно, если что-то ценное везете, то в купе есть сейф.

– О, спасибо большое!

Конечной станцией был довольно большой город, а вот Север-3 находился в четырех часах до него. Хоть билет у меня был куплен до конечной, но палиться перед проводником о том, что мне надо сойти, не было никакого желания. По этой причине я просто поставил будильник на нужное время – 4:30 – за двадцать минут до прибытия. Пусть будильник звенит, а точнее, вибрирует, каждую ночь. Хоть привыкну немного к такому раннему утру. Тем более, что там рассвет сейчас наступает только к 11 дня.

Я вернулся в свое купе, закрыл на защелку дверь, рассте-

лил постель на своей нижней полке и устался в окно. Город почти уснул, за те минуты, пока меня не было, пейзаж сменился в промышленную сторону – все большое труб и заводов, все меньше спальных районов. Вот и окраина промелькнула парочкой узнаваемых силуэтов домов и горящими глазами окошек. И все. Непроглядная темнота.

Глава 9. Последние зацепки.

«Пожалуйста, Господи, никаких соседей, будь человеком, очень Тебя прошу»

(Макс Фрай)

Я видел сон. В нем мы с Кэти гуляли по набережной, только пахло там гораздо лучше, и солнечные лучи плескались в беспокойной воде, господин Кардинал следил за нами, постукивая палкой по мостовой, мой помощник поливал цветы в клумбах, мимо проходили и благодарно кланялись нам престарелые профессора. Все было просто и неторопливо. Было, пока облако не закрыло собой летнее солнце. Мы синхронно подняли глаза, но облако уже перестало быть белым, а становилось свинцовым, расширялось, прямо на глазах, заполняя собой все небесное пространство. Я снова опустил глаза, но все вокруг тоже менялось: будто дым, люди вокруг нас разлетались, пропали старики, Кардинал. Я крепко схватился за руку Кэти, она посмотрела на меня и произнесла,

одними только губами, но ее голос прогремел у меня в голове:

– Тоби, я боюсь теперь одна возвращаться домой, – я начал понимать, что эти слова я слышал когда-то от нее, в ту почти забытую ночную прогулку от пивной.

– Не надо никуда возвращаться, пошли дальше гулять! – я попытался потянуть ее за собой, но легче было сдвинуть корабль, застрявший в земле по самую ватерлинию.

– Эх. А так хотелось...

Ее рука растаяла, через мгновение я сжимал воздух, а вокруг меня не было ничего. Ровным счетом – пустота! Только забор, отделяющий меня от реки. И тут я заметил его – огромный корабль несся прямо на меня, будто не видел берега. Раздался долгий, пронзительный и отчаянный гудок: «Вуп-вуп!» – и фонарь на носу резко засветил мне прямо в глаза. Гудки продолжались! И тут я проснулся. Резко сел на кровати ударился лбом о верхнюю полку.

Я был в купе, пока один, гремел не огромный средиземноморский лайнер, а всего лишь телефон, который оказался прямо под ухом. Первая мысль: «Есть масса других, куда более приятных способов проснуться!». На часах, естественно, 4:30. О чем я думал, когда ставил вчера будильник? Ну, ладно, раз проснулся, то пора за дело приниматься! Я сходил к проводнице и попросил чашку кофе, купил круассаны за цену, по которой мог купить в обычном супермаркете таких же три пачки. Кофе не подвел, вкус был насыщенный, хотя, в

эпоху повсеместных кофеварок сделать достойный напиток не так уж сложно. В рюкзаке лежали три конверта от моих коллег.

С первым пакетом разобраться было легче всего – это был отчет об «уборке» в моей квартире. Кроме собранных улик – а их было немало, вот только ничего на первый взгляд сверхъестественного – было сказано, что замки заменены (ключи в конверте, а запасные у помощника), уборка совершена, мусор вынесен. И на том спасибо! Улики шли таблицей, второй колонкой было точное описание места нахождения объекта, третьей – гипотеза возникновения. Сами фотографии были на флэшке. Пришлось достать ноутбук. Систематизация файлов на флэшке была выше всяких похвал: во-первых, каждая улика сопровождалась отдельным файлом с фотографиями, первая – основная, или вид сверху, другие, как бы панорамой, осматривали улику со всех доступных сторон, во-вторых, ни одного слова, только цифры, что немало говорило о добросовестности первой команды. Первые тринадцать папок показывали свернутые или смятые бумажки, фантики и другую чушь. На некоторых, моим почерком были написаны случайные имена или номера телефонов, никак не связанные с работой, другие больше походили на страницы, выпавшие из книг. В основном они все валялись в шаговой доступности от рабочего стола и полка с моей скромной библиотекой. Следующие одиннадцать – фотографии моей же одежды, которая была беспардонно выбро-

шена из шкафа. Естественно, не обнаружено ни одного отпечатка пальца. Последние три папки содержали в своем названии восклицательные и вопросительные знаки после номера. Первая из них – фотографии ванной комнаты, где были обнаружены два следа от ботинок примерно 43 размера. Их явно пытались стереть, но преступникам не повезло, очевидно, один из них наступил во что-то липкое, которое отличалось своей нерастворимой в воде природой. Сложный вопрос, хотел ли преступник сам смыть свой собственный след, или же оно получилось случайно, но смазанность отпечатков точно указывала на попытки зачистки. В ванной же был обнаружен небольшой клочок волос, который зацепился за дверцу под душевой. Сама по себе дверца открывалась только один раз, когда у меня потекла труба, и ее пришлось заменить в срочном порядке, но она так и манила, чтобы в нее заглянуть, и посмотреть, что за тайны скрываются за сантиметровой пластмассовой завесой. Описание улики гласило, что волоски уже отданы на ДНК-тест с целью определения личности преступника, если он, конечно, числится хоть в одной современной базе. Третья, последняя папка содержала фотографии кухни, которую эти ребята также не обошли своим вниманием. Но самое интересное, что они осматривали вытяжку над плитой, видимо, искали какие-то заначки или тайники, в том числе и под решеткой вентиляции. И тут-то нашлось кое-что интересное. Когда решетку снимали, видимо, случайно зацепились за защелку, и, к моему удоволь-

ствию, оставили вторую реальную улику – это кусочек медицинской нитриловой перчатки. В описании сказано, что этот лоскуток с большого пальца, на котором даже без каких-либо дополнительных средств, так сказать, невооружённым взглядом виднеется дактилоскопический отпечаток. Я прямо подпрыгнул от этих новостей! Наконец-то, если они делали хоть раз в своей жизни загранпаспорт, то этот пальчик расскажет мне очень многое!

Пока я копался в первом конверте наступило полноценное утро, часов в 9 утра уже проснулся вагон и началось хождение за дверью купе. Мой недопитый кофе уже давно остыл, и я решил сделать паузу в своем познавательном процессе. К тому же, приближалось время остановки на несколько часов. Глупое времяпровождение, с одной стороны, можно было бы прогуляться по городу, но немного щемило чувство, что ты отойдешь на порядочное расстояние от поезда, а он съедет куда-нибудь, и ты его больше не найдешь. С другой стороны, я всегда мог заполнить свой рюкзак самыми ценными своими вещами и пройтись по окрестностям. Собственно, за пять минут до прибытия, я сгреб все три конверта в рюкзак, куда полез и ноутбук, а также вся наличность. Банковские карточки были рассованы в спортивную сумку, зимнюю куртку, и потайной карман в ботинке. Телефоны уже и так были в сумке. Облачившись в одежду, в которой я уезжал, я вышел из вагона, и сразу понял, что, отъехав на 12 часов в северном направлении, температура воздуха мне уже не кажется ком-

фортной. Пришлось вернуться в купе и переодеться в зимнюю куртку, которую я берег для Севера-3. На всякий случай подробно расспросил проводницу о передвижении поезда в ближайшие пару часов и получил от нее заверение о том, что поезд не сдвинется с места. Атмосфера провинциального города здесь царила не особенно сильно, город с перрона казался скорее промышленным или индустриальным, хоть и не был крупным торговым узлом. Везде было чисто и аккуратно, не было привычной толпы маргиналов, обычно обитающих у вокзалов. Господа полицейские чинно прогуливались у входов и смачно курили за углом. Хоть и было довольно холодно, но все-таки не зима, да и утреннее солнце пригревало. Короче говоря, куртку я не снял, но расстегнул, и закинул на голову капюшон. Хорошо бы зайти в супермаркет, прикупить что-нибудь на завтрак, ибо тратить деньги на очень дорогие, и при этом самые обычные круассаны больше не было никакого желания, а ждало меня еще два завтрака. Стоило также купить несколько упаковок лапши, чтобы не ходить каждый обед и ужин в вагон-ресторан. В магазине я крепко задумался над тем, чтобы прикупить еще и бутылочку коньяка. В итоге, конечно, купил еще и закуску под спиртное – сыр-косичка и маленькие копченые колбаски – идеально. Проходя по довольно большому торговому центру, я наткнулся на салон связи и ремонта мобильных устройств. Идея пришла в голову абсолютно нерациональная, но взвесив все «против» и «за», я принял решение.

– Доброго утра!

– Доброе. – не очень любезно из-за весьма сонного состояния ответил мне паренек за прилавком, и, видимо, отметив про себя свой ожесточенный сиплым голосом ответ, улыбнулся. – Могу чем-то помочь?

– Да, знаете, вчера заметил, что телефон во время звонка как-то странно гудит, будто рядом с радио нахожусь, да и голос из трубки, будто через тоннель слышу. Может, сломался? Жалко, совсем новый, бабушке купил, а она у меня плохо слышит! – быть умным, значит иногда прикинуться придурком.

– Оу, ну, давайте, посмотрим! – парень явно понял причину поломки, но заявить о ней во всеуслышание, значит признать, что перед тобой стоит враг государства, что никак не соответствовало моему образу и прямому вопросу, ведь ТАКОЙ человек точно бы знал про все возможные способы слежки.

Я порылся в сумке, достал телефон, незаметно снял наклейку с номером группы, и положил его на прилавок, как хозяйева домашних животных кладут своих питомцев на осмотр ветеринару. Парень без лишних разговоров разобрал бабушкофон до составных частей и начал проверять схемы с помощью набора инструментов, которые так и остались для меня тайной за семью печатями, хотя, учитывая род моей деятельности, я должен бы знать хоть немного об устройстве «электронщины». Он «пропикал» все части динамика двумя

щупами, параллельно посматривая на небольшой прибор, в котором я безошибочно узнал мультиметр, нахмурил брови, что-то пробурчал.

– Доктор, он будет жить? – парень улыбнулся в ответ на мою шутку.

– Да, с телефоном, ну, визуально, все в порядке. Есть еще один вариант, конечно, но это надо уточнять.

– Да, давайте.

Парень собрал телефон и переместился уже к компьютеру, попросил назвать номер телефона и оператора связи (вот мы и подошли к самому интересному). Быстро вбил цифры в программу, которая дала распечатку моих звонков.

– Вот, видите, в этом интерес весь! – парень явно заинтересовался. – Здесь показаны все Ваши звонки, а также их точное время, длительность и базовая станция, к которой подключался телефон во время звонка. Интерес в том, что название всех национальных мобильных станций начинается с букв, обозначающих регион, город и район, а здесь у Вас все звонки начинаются с цифр, причем станция одна и та же, чего не может быть, если вы звонили из разных районов города.

– Я ничего не понял? Я что, в настройках что-то не то нажал? – неосведомленность, как способ достать всю нужную информацию всегда была тайным оружием любого дознавателя.

– Нет-нет, это не Ваша вина точно. Видимо, произошел

какой-то сбой и Ваш телефон подключается к какой-то базовой станции, мощность которой гораздо выше, чем у городских. И звонки сразу перехватываются. Уж не знаю, как такое возможно, но выглядит, будто Вам подкинули маячок и следят за каждым Вашим словом. Будь Вы суперагентом я бы сказал, что Вас слушают, причем очень топорно, так как перехватываются все звонки, которые попадают в диапазон действия базовой станции – около пятисот метров. – повисла пауза. – Я Вам советую просто проверить все ваши вещи. Найдете что-то чужеродное, то это оно – перехватчик! – продавец хохотнул, в полной уверенности, что такое совершенно невозможно в моем случае.

– М-да, задали Вы мне задачку, молодой человек. Правительство, значит, за всеми нами следит? Так получается? – я начал отходить от прилавка. – Вам что-то нужно заплатить за Вашу работу?

Заплатив за диагностику, я покинул салон связи. Как только я вышел на улицу, так в лицо ударил яркий солнечный свет, перекрытый до этого момента заклеенными рекламой окнами торгового центра. На глаза попался Макдональдс, и живот тут же заурчал, отвечая на запахи жареной картошечки и нагетсов, который не изменился с самого детства. Ладно, раз организм просит, то можно и бургеры поесть – дело благородное. Заказ мой соответствовал всем моим воспоминаниям из детства и студенчества: Биг Мак, шесть нагетсов, маленькая картошка, два соуса, и кола безо льда.

И тут приглянулся: нововведение, которое давало возможность ждать своего подноса уже за столиком – приятно. Я сел в укромном уголочке, видимо, профессиональная привычка – садиться так, чтобы видеть максимум пространства заведения, открыл рюкзак и посмотрел на три телефона, лежащих на дне. Один, без бирки – для второй группы, к которому я пока не хотел притрагиваться, второй и третий – для групп «один» и «два», соответственно. Кому позвонить? Хакер Джимми, к сожалению, во второй команде, которой я не могу пока полностью доверять, в третьей нет никого, кто мог бы мне помочь. В первой... хм... там оставался мой помощник. Наверное, его можно попросить пробить название этой базовой станции, но нет уверенности, что его навыков хватит, чтобы узнать владельцев. Выхода особенно нет. Я набрал первый (и единственный) номер записной книжки, который выводил меня на личный номер помощника.

– Алло, Тоби?

– Да, привет, не кричи, бери ручку, записывай. Только посмотри, чтоб никто не подслушал, понял?

– Да! – я продиктовал ряд цифр и букв.

– Это название мобильной базовой станции, посмотри откуда она взялась, кто владелец, все, что найдешь. Далее, положи распечатку в место, доступное только тебе. Послезавтра отправь письмо заказной почтой в гостиницу, которая будет первой в поисковике, на имя Оливера Кромвеля. Да, такой я оригинальный. Послезавтра в 15:00 буду ждать звон-

ка. Понял?

– Да, будет сделано! – заверил меня мой помощник.

– Тогда не пались, и все будет ОК!

– Да, хорошо, волосы и пальцы еще пробиваются, результатов пока нет.

– Понял, жду их в письме! – я повесил трубку. Разговор затягивался, а дольше висеть на проводе было опасно, ибо я не знал, с кем сотрудничает эта шайка придурков.

В остальном, день прошел совершенно спокойно. Я пообедал, вернулся на вокзал, сел в свое купе, через час поезд тронулся, а я так и остался в гордом одиночестве. Проводница сообщила, что больше билеты на этот поезд не продаются и я точно доеду до своей конечной станции один.

Глава 10. Вагонные споры.

Споры – общий термин для репродуктивных структур грибов.

Споры – тельца круглой или овальной формы, которые образуются внутри некоторых бактерий в определенные стадии их существования или при ухудшении условий окружающей среды.

Споры – процесс отстаивания каждой из сторон своего мнения, столкновение мнений и попытки убедить оппонента.

(Спасибо Википедии за любезно предоставленную инфор-

мацию о природе тварей земных)

Оставшиеся два дня пути я провел в томном и безудержном штудировании оставшихся двух пакетов. Я вызубрил наизусть все, что могло мне помочь: карту города (благо, город был маленьким), расположение всех гостиниц (от крошечных хостелов до одной единственной четырехзвездочной, хотя, если верить отзывам, то она еле дотягивала до трех), супермаркетов и рынков, магазинов электроники и даже одного ларька с гордым названием «Охота и рыбалка». В восемь часов вечера последнего дня моего путешествия, когда голова раскалывалась от многочасового томления в душной комнатухе купе, я отправился спать. Еще часа полтора я ворочался на своей полке, проклиная опечатанные окна старого вагона. Сердце отбивало военный марш, духота не давала нормально продышаться. В десять часов вечера поезд остановился на получасовую стоянку. Двери в вагон были открыты, и свежий воздух потихоньку начал просачиваться в купе. Осознав всю бессмысленность моих попыток уснуть, я накинул куртку, обулся в новенькие зимние ботинки и открыл дверь. Тут же я понял, что правит в городе уже не осень. Может после жаркого и душного купе, а может от общего моего недомогания, меня пробрала дрожь сходная с ознобом. Зима стала царем горы. Своей сильной рукой она скинула последние листья с деревьев, но не успела еще покрыть землю плотным снежным покрывалом. Со ступенек я

спрыгнул на промерзший асфальт и оказался практически единственным на перроне. Еще пару минут я вдыхал ледяной воздух, когда мимо начали ходить продавцы с тележками всякого хлама сувенирного и продуктового происхождения. Один мужик с большой клетчатой сумкой все-таки остановился в метре от меня, предлагая пиво, закуски и газировку.

– Сынок, пивка хочешь?

– Нет, отец, спасибо!

– А орешки какие иль сухарики?

– Слушай, а сигареты есть? – неожиданно даже для самого себя произнес я, почему-то сильно захотелось курить.

– Ох, сынок, чего нет, того нет. Сейчас строго с этим...

– Ладно, отец, давай бутылочку темного, сухарики какие есть?

Курить перехотелось сразу, после того, как мужик отошел к следующему искателю свежего воздуха. Зато я обзавелся бутылкой какого-то местного пива с криво наклеенной этикеткой и пачкой сухарей со вкусом красной рыбы. Больше на улице торчать не было никакого желания, тем более, что я вышел без перчаток, а бутылка неприятно холодила руку. Из соседнего вагона выпрыгнул еще один пассажир, и окрикнул мужика с клетчатой сумкой. Запрыгнув в вагон, я добрался до своего купе, широко распахнул дверь и остолбенел. Рюкзак был скинут со своего места, не было ни ноутбука, ни конвертов, ни кошелька. Бабушкофоны тоже пропали. Потайной карман рюкзака остался незамеченным, и большая часть мо-

их денег и документы были при мне. Спортивная сумка тоже была раскрыта, но кроме одежды и еще двух карманов, в одном из которых лежал совсем уж липовый паспорт даже не с моей фотографией, там ничего не было. Собственно, карманы тоже оказались опустошены. Даже мелочь забрали. А вот ключи от дома оставили.

Практически сразу мне стало очевидно, что это было не стандартное ограбление, а нацеленное и продуманное. Торопиться было бессмысленно, я позвал проводницу, с которой успел подружиться, показал ей купе. Она, без лишних слов, позвонила начальнику поезда, который прибыл на место уже через пару минут. Быстро осмотрел помещение и начал меня опрашивать. Его вопросы свелись к списку пропавших вещей и моим передвижениям за последние полчаса. Я озвучил список: ноутбук, один из бабушкофонов и три желтых бумажных конверта. Ничего из этого я не ценил, кроме, пожалуй, ноутбука (все-таки, вещь не самая дешевая), и, пока начальник поезда фиксировал мои слова, я лихорадочно соображал, стоит ли мне обращаться в полицию. Решил, что стоит. Логика моих размышлений была предельно проста. Если мне очень повезло и это стандартное ограбление, то я вовремя поднял тревогу и их личики уже зафиксировали камеры на вокзале, в том числе которые я видел на перроне аккуратно напротив вагонов. Если это мои ребята, то я был в большой заднице. Им каким-то чудом известно, где я нахожусь, то есть они срисовали меня в каком-то городе, а я и

не заметил слежки. В поезд посторонних не заходило, учитывая, что я только минут пять простоял на морозе, а проводницы бы подняли шум, если бы кто-то совсем уж левый прошел по вагонам или попытался бы сесть на поезд. Купить билет тоже не вышло бы, так как продажа закончилась вечером первого дня. Выводы были неутешительные. Со мной в поезде с самого начала ехал партизан, это, во-первых. Кто-то точно знал, в каком купе я еду и мог оперативно среагировать на то, что я вышел на улицу. Значит, он ехал в соседней комнатухе, в крайнем случае, в соседнем вагоне, это, во-вторых. Ничего важного мои «соседи» не украли, все-таки, все данные на ноутбуке я не хранил, все было на флэшках, новые ключи от квартиры я тоже держал в кармане куртки, а другие документы могли бы бросить тень на мои пути отхода, если бы только я, после подробного изучения, не разорвал бы их в клочья и не выбросил бы их в мусорку напротив туалета.

Перервал мои размышления начальник поезда:

– Сэр, я собираюсь вызвать полицию, Вы не против?

– Да, конечно, делайте, что нужно! Я в туалет отойду, с Вашего позволения.

В туалет я не зашел, открыл крышку мусорной корзины, отодвинул пакет, набитый яичной скорлупой и детскими памперсами, и таки обнаружил свои бумаги, изорванные до мельчайших кусочков. Восстановить их было можно, но крайне сложно. Я немного успокоился и вернулся к купе, где

уже стояли двое господ полицейских. Они читали мои показания и сверяли их с показаниями соседей.

– Сэр, Ваши имя, фамилия, куда едете и род Вашей деятельности, будьте любезны!

– Здравствуйте, простите меня за мое неверие, но можно ваши документы, я немного утратил доверие к людям на сегодня! – я решил выбрать обиженную модель поведения, авось, прокатит.

– Да, конечно, простите, – полицейские представились и показали корочки, капитан и старший сержант, какая честь! – Повторить вопросы?

– Тобиас Крит, еду до конечной, я видеоблогер.

– Какова цель поездки?

– Так как я видеоблогер, то хотел бы осветить местные достопримечательности, привлечь туристов в регион, рассказать историю города.

– А где Ваше оборудование, сэр? Уж не на камеру мобильного Вы будете снимать?

– Да, конечно, я решил ехать налегке, мой оператор уже несколько дней в городе, он же и забрал все оборудование, у меня в одном из украденных пакетов были даже копии накладных на перевозку оборудования.

– Я Вас услышал. Оставьте, пожалуйста, номер телефона для связи!

– Прошу прощения, но это совершенно не имеет смысла.

– Вы отказываетесь сотрудничать со следствием?

– Никак нет, господин старший сержант, просто мой телефон, а вместе с ним и симкарта в списке украденных вещей. Вы, конечно, можете до них дозвониться, но я сомневаюсь, что можно будет хоть как-то отследить сам мобильник, так как он максимально простой. – свой телефон я, конечно, держал в кармане, как-никак двадцать первый век на дворе, но делится номерами с полицией я не хотел, видимо, паранойя начала давать о себе знать.

– Простите, сэр, – прервал диалог капитан. – Старший сержант у нас новенький, пока не разобрался! – сержант был красным, как рак.

– Давайте я лучше возьму ваши номера, и, когда приеду на место и куплю телефон, то обязательно позвоню, а?

– Отличная идея!

Я записал номера полицейских, на всякий случай дал свой домашний адрес и пожал руки капитану, старшему сержанту и начальнику поезда. Отъезд задерживался уже на восемь минут, а все вопросы были решены.

С легким сердцем я выпроводил всех своих провожатых, захлопнул дверь и решил немного прибраться. Уборка заняла меньше пяти минут, после чего я уселся на койку и открыл бутылку пива, которую искренне хотел выпить. В дверь постучали, на пороге стояла знакомая проводница с чашкой кофе и шоколадкой на подносе.

– Тоби, простите, пожалуйста, начальник распорядился сделать Вам кофе!

– О, право, не стоило, я бы лучше спать лег, понимаете? – я увидел разочарование на лице молодой девушки, которая искренне хотела поступить, как лучше, но не угадала мое желание, – Вы заходите, я буду пить пиво, а Вы кофе, договорились?

Девушка улыбнулась и присела на соседнюю койку. Так мы разговаривали еще несколько часов, оказалось, что проводницы те еще аферистки, и провозят пиво втихую, чем мы и воспользовались, распив еще две бутылочки на двоих. Она говорила о своей работе, семье, друзьях, честно говоря, ей хотелось поговорить, а моя функция сводилась к тому, что иногда задавал некоторые вопросы. Нет, мне не была эта беседа неприятной, в любом случае, в компании красивой девушки не может быть скучно, а жизнь у нее была действительно интересная. На часах уже была глубокая ночь, когда она попросила прощения и удалилась выполнять свои обязанности. Я убрал бутылки и оставшийся мусор, собрал сумку и рюкзак, так как не хотел привлекать внимание своим уходом ранним утром.

В 4:30 прозвенел будильник. Я на цыпочках прокрался к крану с горячей водой, налил кипяток в растворимый кофе «Зв1». Также, крадучись, сел в купе, выпил мерзкий напиток, который мгновенно пробудил меня ото сна, скорее не из-за действия кофеина, а из-за своей мерзости. Я залип в окно: снег крупными хлопьями пролетал мимо, не было видно ни зги, полнейшая темнота, ни луны, ни звезд, которые

скрывались за тучами и снегопадом. Поезд начал притормаживать. Я оделся, закинул за спину рюкзак, потерявший в весе, на плече повисла сумка. Остановка. На выходе меня ожидала знакомая проводница:

– Тоби, не могу выпустить, тут только на три минуты остановка, не положено!

– Я сойти хочу, не волнуйся! – я подмигнул, но до девушки все никак не доходило, – Ну, совсем сойти, мне название города понравилось, потом уже как-нибудь на перекладных доберусь!

– Север-3? Тебе это название понравилось?

– Ну, да, Севера-1 и Севера-2 я не нашел, зато Север-3 есть, круто же!

– Ты странный, ну, ладно, надеюсь увидимся еще! Пока!

– Пока, хорошей дороги! – я отбил «пять» проводнице, поправил сумку на плече и повернулся к вагону спиной. По традиции, которую прочитал в какой-то очень старой книжке, перед тем, как рассмотреть город, успе́й им подышать. Так и сделал, еще около минуты я стоял и вдыхал привокзальный воздух. Мороз был очень непривычный, щипало в носу, а изо рта валил густой пар, который ощущался даже с закрытыми глазами. Я услышал, как проводница закрыла дверь вагона, как тронулся поезд, вначале медленно, потом все быстрее и быстрее. Еще секунд тридцать и от поезда остался слышен лишь отдаленный гул. Я открыл глаза.

Все, что я мог увидеть в свете фонаря – это узкая асфаль-

тированная дорожка, которая утопала в свежем снегу. Никаких людей на платформе, даже следов не было. С каждой секундой становилось все тише и тише, пока тишина не стала настолько глубокой, что давила на барабанные перепонки. 5:00 на часах. Я одиноко шел по длинному перрону. Справа и слева горели тусклые фонари других путей, узловая станция, как-никак. Через несколько шагов из тьмы появились ступеньки перехода к вокзалу и, собственно, к городу. Поднявшись на этот мост я смог полноценно удивиться: станция была огромной, самой большой, которую я когда-либо видел. Фонари на самом деле не были тусклыми, просто шел такой сильный снег, что он закрывал собой любые попытки осветить железнодорожный узел. На расстоянии около пятисот метров, насколько я мог судить, виднелось здание, оно тоже освещалось, правда не только практически бесполезными фонарями, но и собственными маленькими окнами. Туда я и пошел, по пути осознавая гостеприимность городка: перрон, куда прибыл мой поезд, был практически единственным, который был худо-бедно очищен от снега. На пешеходном мосту тоже были следы недавней уборки – тропинка шириной около 30 сантиметров.

Вокзал не представлял из себя ничего интересного: обычное здание конца двадцатого века, изнутри только кассы с помутневшими от времени стеклами, да протертые сотнями ног коврики, деревянные скамейки в зале ожидания давно не видели краски, зато блестели от естественной поли-

ровки джинсами и брюками. На невысоком потолке горели обычные лампы без абажура, а свет уличных фонарей не проникал вовнутрь из-за толстого слоя свежего снега, налипшего на окна. На подоконнике, прямо над батареей, лежал толстый рыжий кот, недовольно повернувший сонную мордочку в мою сторону, когда я, весь в снегу, ворвался в уютный полумрак желтого цвета. Несмотря на низкую температуру на улице, внутри было тепло, только возле дверей гулял легкий сквозняк. Кроме кота на подоконнике меня встретил старик-сторож, мирно читающий газету. Его рабочий стол с компьютером, на экране которого отображались картинки с двух-трех камер наблюдения, стоял возле рамок металлодетектора, сильно контрастирующими с провинциальным видом всего вокзала.

– Привет, сынок, какими судьбами?

– Здравствуйте, журналист я, пишу вот о провинциальной жизни городов нашей родины.

– Правильно-правильно! Может и до президента этого дойдет, что порядок навести в стране надо, а не только в этих ваших мегаполисах! Сам-то ты, небось, со столицы приехал?

– Если только проездом, да по работе там бывал, – ну, тут я не соврал, в столице я действительно бывал только проездом и «по работе».

– Правильно-правильно, нет там жизни никакой! Молодец, что приехал, помочь тебе чем?

– Было бы здорово! Мне бы гостиницу какую, не самую

дорогую, да чтоб покушать рядом было можно, – естественно, расположение всех гостиниц, хостелов и мотелей в городке я знал наизусть, но почему-то хотелось попросить помощи у старика. – Есть тут такие?

– Да, есть, у нас только не дорогие и есть! Четыре звезды закрылись – обанкротились, теперь только здание ихнее осталось, да вывеска до сих пор висит. Сейчас карту тебе дам, там и покажу где-что, – дед полез под стол, откуда вытащил карту города, свернутую в виде брошюрки. – Вот здесь есть гостиница, совсем напротив вокзала, тут и магазинов всяких много, и рыночек есть, но он зимой только часа четыре в день работает, с восьми до двенадцати, туда только пенсионеры и успевают сходить. Кафе тоже близко, тут, – дед ткнул пальцем в точку на карте. – А рядом еще старая гостиница, в которой какой-то президент останавливался, но она плохая – клопы... Есть еще одна, в центре города, минут десять отсюда на автобусе, только подождать придется, до половины седьмого, а то не работает еще ни черта!

– Да я и не тороплюсь!

Беседа со сторожем далась легко, видно, что старик жаждет общения, я попросил его рассказать обо всем интересном, что в городе есть (кроме катакомб и памятнику сапогу, как его называют местные, ничего и нет), какие проблемы (мало денег и нет развития, хотя можно было бы что-нибудь придумать, хоть дед не имел понятия, чем можно заинтересовать туристов и инвесторов), что с преступностью (она тут

есть, так как город скучный, причем преступников никто не ищет, и складывается ощущение, что полиция у бандитов на зарплате).

Пока шел разговор, стрелка часов приблизилась к семи часам. на улице темень. По дорогам стали ездить автомобили, сражающиеся со стихией. Спецтехника старалась разгрести снежные завалы, дворники махали лопатами, только вот дороги засыпало практически сразу же. Мест, куда можно сбросить поклажу и выспаться было больше, чем мне сказал старик, кататься на автобусах по всему городу не было желания, так что я пошел в направлении парковки, которая находилась практически напротив здания. В душе все еще тлела надежда, что, даже в такую непогоду, таксисты будут развозить народ, пусть даже с тройным тарифом. Приложения здесь не работали, или, по крайней мере, здесь не было ни одной машины. Зато на стоянке горел рыжим цветом маячок с шашечками на белом отечественном авто. На вопрос о том, сколько будет покататься по городу с несколькими остановками, таксист выдал мне цену за одну поездку в столице. Я предложил вдвое больше, на что таксист, улыбнувшись, сказал, что доставит меня хоть на край света. Меня это вполне устраивало.

Глава 11. Пельмени из недоверия и угроз.

Среднестатистическая паранойя будет не рада, если вы попытаетесь погладить области вокруг ее хвоста, и доволь-

на, если гладить по голове – особенно между глаз и ушей. Шея и спина находятся в паранормальном рейтинге где-то посередине. Исследователи заодно выяснили, что порядок поглаживаний – от головы к хвосту или от хвоста к голове – значения не имеет.

(Измененная выдержка из статьи MEDUZA – иностранного средства массовой информации, выполняющего функции иностранного агента, и (или) российского юридического лица, выполняющего функции иностранного агента.)

Прелесть маленьких провинциальных городков заключается в возможности узнать о них за тридцать минут разговора с таксистом. Честно говоря, я никогда не был фанатом общения с извозчиком, но, очевидно, мужику было интересно все, что не связано с его местом проживания. Но я не был бы самим собой, если бы не сумел разговорить таксиста на интересующие меня темы. Так, например, я узнал, что около половины жителей города работают не на местных градообразующих предприятиях, а в сфере обслуживания: магазины, такси, кафе и так далее. Еще процентов десять – врачи и учителя. А оставшиеся – трудяги на заводе и железнодорожной станции. Иногда встречаются и индивиды, которые не желают оставить родной город, но работают в соседних поселках или областном центре, каждый день гоня на автомобиле с работы и на нее. Сейчас же, в связи с неожиданными погодными условиями («Такого снегопада никто не ждал, да

и мороз – ух – не характерно оно все для нашего пояса, еще в прошлом году в это время листья зеленые были, прикинь! Глобальное потепление, оно виновато, зуб даю!») закрыли дороги до соседних городов для всех, кроме медиков и фур с продуктами. Меня это немного напрягло. В случае чего на перекладных не доберешься. А если непогода затянется? А началась вся эта канитель с изменением климата с прошлого декабря, по крайней мере, заметили ее только тогда, когда в январе вдруг растаял весь снег, в марте зацвели сады, а в июле температура не поднималась выше десяти градусов по Цельсию. Ученые разводят руками, а скорая озолотилась на срочных вызовах. Кроме того, странность заключается, что такие аномалии распространяются исключительно на пару десятков километров вокруг города. Попытки объяснения сталкивались об отсутствие гор, водохранилищ или еще каких-нибудь природных заборов необъяснимого климата. Голый материк, иногда встречаются лесные насаждения, а в основном поля да луга. Ну и привело это все к октябрю, с трехметровыми сугробами и ураганным ветром. Тут я почувствовал, что мне повезло, ведь больше, чем отсутствие проходимости на дорогах я ненавидел только ледяной ветер.

За разговорами, с небольшими перерывами на заправку и остановки в гостиницах, мы проездили около полутора часов. Я выбрал приятный хостел с двухместными номерами прямо в центре города, откуда до основных достопримечательностей было рукой подать. Собственно, Север-3 мне

правился и тем, что из центра до любой окраины максимум полчаса, а учитывая снегопад – от силы сорок пять минут. Заселение в хостел, по внутренним правилам, было в 12 часов, но я въехал практически сразу. Это объяснилось тем, что постояльцев не было уже больше десяти дней, а до этого, в счастливые месяцы, не больше двенадцати человек в месяц. Номер был простым, без излишеств, зато с маленькой кухонькой. В общем и частном, хостел напоминал общежитие квартирному типу, только всего в два этажа. Я попросил комнату на первом, дабы был легкий путь отхода в любом направлении. К слову, таковых было целых четыре. Самые очевидные – парадный вход и окно комнаты. Другие два: подъезд для грузовиков в местную столовую, которая располагалась в том же здании и даже была соединена коридором с хостелом, и окошко в общем на коридор туалете. Все четыре выхода смотрели в разные стороны города, а мой соперник не располагал такими силами, чтобы осадить блокадой весь дом.

Через пару минут после заселения я отчаянно отмывался в душевой от трехдневного пота и поездной грязи. В перерыве между душевой кабинкой и раковиной, в которой я хотел побриться, пока не шумела вода, из коридора донеслись звуки разговора. Желание намылить лицо резко отпало, ровно, как и желание оставаться в полубожаженном виде.

– Кто заселился? – грубый мужской голос с неопределимым акцентом обращался к бабушке-вахтерше.

– Парень какой-то, почему мне знать? – а бабка-то бойкая, таких в шпионы бы набирать, а при заселении показалась божьим одуванчиком. Я приоткрыл дверь (к тому моменту на мне уже были джинсы и рубашка), в щелке показался мой старый знакомый из поезда. Да как он так быстро добрался до сюда? Или все-таки не всем дороги перекрыты... Хотя и сейчас я не вижу лица, а только черную парку и шерстяную шапку, но чуйка кричала, что это он! Это он выпрыгнул из вагона за минуту до того, как я нашел свое купе развороченным!

– Может и стоит поднапрячься! – мужик левой рукой приоткрыл куртку, как бы показывая, что под ней припрятано оружие, а судя по виду вахтерши, с лица которой слетела вся краска, кроме мертвенно-серой, так оно и есть.

– Что Вы хотите? Не надо, пожалуйста! – бабуля вжалась в кресло, закрывая ладонями лицо.

– Ничего страшного, не суетитесь, мне просто нужна фамилия Вашего постояльца, ни слова больше, договорились? – слова его были мягкими, но голос, приправленный этим акцентом, отдавал льдом и звоном металла.

– Оливер! Имя – Оливер! Фамилию надо проверить! Не наша фамилия!

– Ну, так проверяйте, я тороплюсь совсем чуть-чуть.

– Кромвель!

– Жалко...

– Что жалко? Пожалуйста, я никому не скажу! – бабулю

охватывала истерика наравне с паникой.

– Что Вы! Не переживайте так! Жалко, так как не тот человек нам нужен! И жалко, что Вы не смогли мне помочь. Ладно, думаю, мы больше не увидимся! До свидания!

Бабуля была не в состоянии уже попрощаться, а пока дознаватель выходил из хостела, я вовсю набирал номер скорой помощи. Назвав адрес хостела и описав симптомы вахтерши, я бросил трубку, при этом подбежал к бабушке со стаканом воды. Она была готова вырубиться и мое появление смутило ее еще сильнее!

– Простите меня, молодой человек, – кинулась уговаривать меня старушка. – Я не хотела говорить, но у него пипи-пистоле-е-е-ет, – бабуля перешла из стадии обморока в стадию истерики, это не могло не радовать.

– Не волнуйтесь, пожалуйста! Все хорошо! Я частный детектив, у меня даже удостоверение есть, хотите покажу? – говорят, что старики – те же дети. Корочка подействовала на бабулю, как конфета в блестящей обертке на малыша. Она почти сразу успокоилась, повертела в руках корочку, икнула и вытерла слезы салфеткой, которую я уже держал наготове. – Вот видите, ничего страшного, все хорошо! Я вызвал скорую, так как Вам в любой момент может стать плохо, а пока расскажите мне, пожалуйста, как выглядел этот человек. Вы запомнили его?

– Он высокий, темноволосый...

– Если я покажу его фото, то Вы его узнаете?

– Точно так! Я его морду на всю жизнь теперь запомнила! – я позволил себе улыбку. Со своего телефона я открыл взломанный сайт того самого агентства, который был хакнут Джимми еще несколько дней назад. На одной из страничек была фотография, которую пытались удалить почти сразу после публикации – фотоотчет о вылазке на природу. Бабушка несколько секунд вглядывалась в экран, после чего с силой ткнула в него узловатым пальцем. Действительно, рожка. В столице я его не видел. Видимо, местный, может, не выездной? Надо его пробить будет по доступным базам.

Скорая приехала довольно быстро, учитывая снежные завалы, минут семнадцать, не больше. Бабушке диагностировали хорошее самочувствие, на всякий случай дали пузырек таблеток от давления и уехали восвояси. Мне тоже возле бабули сидеть надоело, да и дела надо было делать. Только вот что-то страшновато стало на улицу выходить. Снег и ветер летели прямо в лицо. Но не их я боялся. Опасение, что в лицо прилетит что-то тяжелее снежинки напрягало меня все сильнее и сильнее с момента, когда я въехал в город. Чуйка разыгралась, как никогда раньше.

Позвонив на номер, который оставил мне таксист, я остался в хостеле ждать машину. Он обещал приехать минут через пятнадцать-двадцать – отвезет клиента и сразу ко мне. Только вот, дерево упало на дороге, в пробке стоит теперь. Я терпеливо ждал. А пока можно было бы позвонить помощнику.

– Алло? – на этот раз не было визга на все агентство, учить парень.

– Привет, надо пробить одно лицо по базам. Только полиция и наша. Смотри, аккуратнее. Чтобы никто не спалил! Открой параллельно еще пару окон с фотками, скажи, что ради интереса пробиваешь каждого на фото по локальным базам! Понял?

– Да! Что за фото?

– Сейчас отправлю. Тебе нужен третий слева в верхнем ряду. Высокий брюнет, рожа, будто кирпич раскаленный в него кинули.

– Нашел. Сейчас буду пробивать. Куда отправить?

– Придумай мне почту и отошли ее мне. Пароль завяжи на этот номер. Как только все сделаешь – пришли почту мне, а я восстановлю пароль через телефон. Все понял?

– Да!

– Не забудь про номер телефона, о котором говорили! Отправь по почте в гостиницу, как договаривались!

– Уже, позавчера отправил.

– Молодец! До связи! – на другом конце «провода» раздалась гудки.

Учитывая заснеженность дорог вокруг городка, а также дороговизну платной срочной почты, можно было ожидать письмо уже сегодня-завтра. Первая в поисковике гостиница – напротив вокзала, смогу туда заехать к вечеру, а сейчас на-

до собраться с мыслями, пообедать и прогуляться по городу, всем сильно показывая, что я видеоблогер, который очень сильно заинтересован в повышении туризма на северы страны. Таксист приехал, как и говорил, через двадцать минут после моего звонка. В десять утра я сел в машину.

– Куда едем, начальник?

– Давай так, старина, пообедаем, я угощаю, а потом показываемся по городу!

– Меня все устраивает!

– Только давай я оплачу, когда уже закончим маршрут?

– Без проблем, ты уже заслужил мое доверие! – «доверие таксиста», или как я назову свои мемуары, если мне представится случай выйти на пенсию.

– Кушать?

– Кушать! Куда-то конкретно?

– О, давай в твое любимое место?

— Таких два: моя квартирка и крохотный ресторанчик на окраине. И там, и там подают отличные пельмешки, а уж настойки какие... Пальчики оближешь!

– Тогда в ресторан, начальник! – нарочито громко и погусарски произнесенный приказ вызвал смех, и с хорошим настроением мы поехали поглощать пельмени.

За разговорами во время поездки до ресторана, иногда прерывающимися на смех, в отражении бокового зеркала я заметил старенький автомобиль отечественного производства с наглухо затонированными окнами. Он проехал за на-

ми уже несколько поворотов, кроме того, проскочил на красный. Дорожная полиция, примерзшая к перекрестку, услужливо отвела глаза. Что это? Моя паранойя? Не похожа эта развалюха на правительственный кортеж. Может, за мной все-таки следят? Таксист проболтался? Или парень с оружием под курткой, имеющий привычку угрожать старушкам-вахтершам, просто играл роль, изображая, что не узнал моего имени.

– Старина, – обратился я к таксисту, – а у вас же есть мэр города?

– Конечно, кстати, такой себе мэр. Из-за него много плохого происходит в городе, полиция, например, продажная, коррупция процветает, – таксисту самому не нравилось, что он говорит так о своем городе.

– А на какой машине он ездит?

– Ну, у него автопарк целый: если сам по себе, то на японцах, если с водителем по работе – на американцах, если за город – на немцах. Только наших у него нет машин, брезгует, наверное, хех! – в салоне такси повисла пауза, символизирующая глубокую задумчивость, как пассажира, так и водителя, во время которой я убедился в своих параноидальных соображениях. Тем временем, таксист тоже заметил авто преследователей. – Видишь, едет за нами? На красный проскочили, стекла в тонировке по самые не балуй, номера в грязи, машинка, хоть и старая, а мотор новенький, пока под светофором пролетала звука лишнего не издала, не зарычала, ни-

чего! Точно бандиты какие-то! – приехали, блин, надеюсь, не будет лишних вопросов ко мне, надо бы его отвлечь от этой развалюхи, нафаршированной, как индейка на день Благодарения.

– Слушай, я же не говорил, наверное, я видеоблогер, хочу поднять туризм на севере страны, поможешь? Я вижу, ты город, как облупленный знаешь?

– Без проблем, а что надо делать?

– Ну, повозишь меня, расскажешь про места, я тебе и за дорогу заплачу и за экскурсию. А если захочешь, то и интервью могу у тебя взять!

– Не-е, интервью точно не надо, не люблю известность, да и лицом не вышел. Давай расскажу все, покажу, а там уж ты сам все отснимешь? Камера есть хоть? А то ты налегке, если я правильно помню? – чертовски пронизательный таксист, надеюсь, проблем с ним не возникнет.

– Я на телефон все сниму, сейчас такие камеры там стоят, что и фильмы снимать можно, да и монтировать тоже.

– Без камеры и блогер? Ты странный какой-то. Я же не совсем глупый, и YouTube этот ваш смотрю иногда.

– Тебя не проведешь, старина! Я до конечной ехал, там у меня товарищ, оператор мой, с оборудованием уже неделю чахнет, всё виды выискивает хорошие, он еще меня не дергал, значит не заскучал еще. А сам еду, смотрю, такое название крутое у города, Север-3, знаешь, как у старых закрытых военных городков, вот и интересно стало, вышел, да на тебя

наткнулся!

– Тогда ладно, для нашего города и телефона хватит, действительно, – таксист заулыбался, пронесло!

Мы приехали к ресторанчику с гордым названием «Порция пельменей», из дверей которого тянулся приятнейший аромат приправ и мяса. Заведение, действительно было очень уютным, отделка напоминала приятные сердцу восьмидесятые года. Клиентов было много, даже пришлось подождать, чтобы освободился столик. Таксист посоветовал брать сразу две порции, которые, хоть и большие, но такие вкусные, что хочется еще. Я так и поступил, ткнув в первые две позиции меню.

– Попробуйте еще наши настоечки! Очень советую, – прошептала девочка-официантка в белом фартучке. – Все домашнее, сами все настаиваем, по старым рецептам!

– Спасибо большое, мы сегодня за рулем и на работе, давайте-ка лучше чаю крепкого черного, сахарку, да блинчиков со сгущенкой на десерт!

– Будет сделано! – девочка ослепительно улыбнулась, развернулась на каблучках и побежала оформлять заказ.

– Ну, как тебе, столичный парень? Девчонки-то наши ого-го! Не хуже ваших! – таксист тоже заулыбался, хотя и видно было, что не будь он водителем, то несколько рюмочек домашних настоек опрокинул бы за милую душу.

– Хороши, не спорю, еще бы пельмени такие же хорошие слепили, цены им бы не было! Да и староваты мы с тобой за

такими девчонками бегать!

– Не дуры если, то сами будут за нами бегать! Ты, это, если надоест в своей столице чахнуть, то приезжай, у нас не только девчонки красивые, а природа какая! Ух! Летом вообще красота, только бы эти катаклизмы скорей бы прошли.

– Пройдут, не волнуйся...

Пельмени были, не соврать, самыми вкусными, которые я пробовал в своей жизни. Пожалуй, вкуснее были только те, которые мама лепила, когда я из общаги в родной дом возвращался. Таксист довольно улыбался, глядя, как я с разочарованием, смешанным с блаженством, доедал последнюю пельмешку. Две порции – самое то, третью очень сильно хотелось, но мой желудок однозначно заявлял, что такого обилия пищи в него не поступало уже очень давно, и он не готов к такому по всем параметрам. Ну, и ладно, у меня на десерт блинчики подкатили как раз. Блинцы оказались действительно лишними, ибо, залив их чашкой чая, я отвалился на спинку кресла с твердым намерением не вставать еще пару дней. Но дело надо было делать! Расплатившись за двоих (ценник был настолько незначителен, что если бы он был в два раза больше, то я бы сказал: «О, довольно дешево!»), мы сели в машину, еще пару минут водитель смолил сигаретку в открытое окно, а я ослабил ремень на штанах – они явно стали мне малы. Началось наше путешествие с той самой первой в поисковике гостиницы, что стоит аккуратно напротив вокзала, водитель вкратце начал рассказывать историю горо-

да, которую я знал наизусть. Однако, оказалось, что это ни много ни мало самая первая гостиница в городе, чуть ли ни третье здание, выше одного этажа, не считая вокзала, на пустыре, которым был когда-то Север-3. Сделав пару кадров, я зашел в гостиницу и поставленным начальственным голосом спросил почту на имя Оливера Кромвеля. Собственно, был только один пакет с таким адресатом, который надменный и манерный администратор собирался мне отдать только после предъявления паспорта. Помощник перестарался. Паспорта на это имя у меня не было. Только водительские права, но упрямый паренек никак не хотел отпускать пакет из рук, руководствуясь правилами гостиницы. Хотя, мой прозорливый глаз все-таки заметил то, что замечать не должен был: оттопыренный нагрудный кармашек, из которого торчала смятая купюра. Понял-принял. Я быстро достал дорогое на вид портмоне из рюкзака, достал оттуда гладенькую новенькую бумажку с двумя нулями, и аккуратно положил ее на стойку ресепшна.

– Тогда мне водички без газа, письмецо в конверте, а на сдачу – купите себе чайку, договорились?

– Да, сэр, извините, за задержку!

Пакет сразу оказался у меня в руках, а администратор спрятался под стойку, откуда через мгновение выпрыгнул с крошечной бутылочкой воды, объемом три десятых литра. Скупердяй, хренов.

– Что-нибудь еще желаете, сэр? Могу посоветовать люкс,

который посетил однажды сам президент!

– Нет спасибо, уважаемый, сервис у вас такой себе!

– Как пожелаете, сэр, – администратор скосил глаза в сторону проклятого письма, которое не хотел сразу отдать.

– Пожелаю Вам чаем не поперхнуться, до свидания! – грубовато, но, может, научится чему-то. Не все богачи ходят в пальто и шубах, встречаются и простаки в куртках из сетевых магазинов.

По дороге к выходу я заскочил в туалет, открыл письмо, там была распечатка звонков похожая на ту, которую я получил когда-то в салоне, только еще с именем и фамилией, которые мне ничего не говорили. На всякий случай я вбил их в заметки на телефоне. Зато я получил описание покупателя базовой станции, с которой осуществлялась прослушка. Помощник каким-то чудом смог выйти на продавца, который оказался добродушным малым. Через видеозаписи камер наблюдения в офисе они нашли момент покупки-продажи оборудования. Портрет совпадал с еще одним лицом на общей фотографии с сайта, которое я узнал – тот самый «какой-то мужик», который устроил слежку за мной в столице. Все сошлось. Сигнал СМС оборвал мои мысли. Так, моя новая временная почта. Я быстро восстановил пароль с помощью своего же номера мобильного. Единственное письмо – вырезанное фото плохого качества, Исалам Смитт, судимость за мелкое хулиганство по малолетке, угон машин, подозрение в грабеже (дело закрыто за недостатком улик),

и последнее упоминание в полицейских сводках было шесть лет назад, как раз, когда открылось это змеиное гнездо под ширмой частного охранного агентства. И вот тебе приятность, каким-то чудом помощник раздобыл два его номера телефонов, а также возможные номера, которые так или иначе связаны с основными двумя. Надо будет обдумать на досуге. Я осмотрел потолок туалета на предмет детекторов дыма. Их оказалось два, сжигать письмо и конверт было опасно. Вариант один – я намочил бумагу, изорвал ее мельчайшие комочки, и смыл в унитаз. С конвертом все оказалось сложнее. Дорогая почта может себе позволить сделать бумагу водоотталкивающей, зато адресат приклеен обычным стикером. Наклейка, как марки, легко отодралась, намокли и отправились в путешествие по канализации. Напоследок я еще раз проверил нутро конверта, порвал его пару раз и бросил в корзину возле унитаза, в коем покоились коричневые туалетные бумажки. Моя паранойя довольно замурлыкала.

Уже на выходе из гостиницы я заметил тень, прошмыгнувшую в туалет, и администратора, сжавшегося за стойкой, с широко раскрытыми глазами, наполненными первобытным страхом загнанной жертвы. Сегодня хищник останется только с разорванным конвертом, испачканным чьими-то экскрементами. Приятного аппетита!

Глава 12. В бой идут одни идиоты.

Вот говорят, что хуже дурака – только дурак с инициативой. Но я Вам так скажу: еще страшнее дурак с возможностями ее реализации!

(Шутка)

Я выпрыгнул из поезда вовремя, этот долбаный ищейка как раз собирался вернуться в купе. Он проскользнул по мне взглядом, но даже на секунду не задержался, успел срисовать или нет? Черт с ним. Я подозвал мужика, торгующего всякой снедью, не для того, чтобы купить, для того, чтобы не выглядеть подозрительным. В этот же момент стрельнул сигаретку у обывателя. Идиоты, как меня бесят идиоты. Вечно ползают, как тараканы, что-то заявляют о своих правах, жалуются на тяжелую жизнь. Этот Крит еще хуже обычных идиотов, сует нос везде, копошится, убирает улики. Эта чертова вылазка не дала никаких результатов – все, что можно было использовать против него, он уничтожил. Я успел подхватить компьютер, телефоны, которые попались, пока я осматривал его поклажу, и желтые конверты. Но даже они оказались пустыми! Компьютер еще ломанем, но это потребует времени, которого у нас нет. Если он слезет на Севере-3, то слишком близком приблизится к нам, а зачем ему еще ехать в этом направлении, если он не совсем конченный идиот? Убрать бы его, да заказчик потом шею свернет, и свои по головке не погладят – не отмоешься. Кроме того, у этого идиота сто пудов есть покровители, если он так легко идет по жизни.

Я был уже на другом конце вокзала, когда остановился, чтобы проверить обстановку и сбросить хвост, если он есть. Хвоста не было, зато в вагоне включили весь свет, несмотря на ночь. Я достал крохотный бинокль. В окулярах возникли окошки поезда, я быстро нашел нужное. Вот они, полиция, идиоты в форме, этот город не под нами, здесь лучше не светиться, но у них нет ничего на меня. Да и Крит не будет меня описывать, ему это не надо, да и не запомнил он меня, скорее всего. Суется, тараканы вонючие, а Крит пополз к туалету. Та-а-ак, копошится в урне. Черт! Так и знал, что надо было проверить мусор, да заторопился! СУКА! Он улыбается, значит я промахнулся и был все-таки шанс. Черт-черт-ЧЕРТ!

Я сел в машину, естественно, она завелась с первого раза, хоть и выглядела старушкой, да начинал я ее сам! Все старье вытащил, все новое поставил, осталась только скорлупка, подтертая резина, да глушитель, который ребята из мастерской покрасили под ржавчину. Снег на номерах талантливо прикрывал все важные цифры. Наша организация не славилась в широких кругах, но нужные люди точно знали, что мы не просто так заслужили доверие. Хотя половина сотрудников – конченные идиоты. Фиаско в столице яркое тому подтверждение, мало того, что этот гном плешивый не заметил, что его во всех подробностях рассмотрели, так еще и не распознал, что от него скрываются и просто поехал вслед за Критом. Идиот. Не удивлюсь, если по окончанию операции

ему будет необходимо провести пару лет в местах не столь отдаленных. А если на нарах распустит язык, то его быстренько отрежут. В Север-3 отсюда только одна дорога, ее, конечно чистят от проклятого снега, но ехать придется дольше, чем на поезде. Одна надежда, что Крит задержится где-нибудь по дороге. Наши его, конечно, могут задержать, но тогда весь план сорвется, и так из-за этого идиота все может пойти коту под хвост. Надо гнать всю ночь. На том свете отосплюсь, а если все будет так, как сказал заказчик, то жизнь будет еще лучше, чем рай! А он был убедителен.

К семи утра я уже был на вокзале. Поезда и след простыл, даже дорожку от перрона занесло. Да, снег сегодня даже хуже обычного засыпает. Не город, а ходячая аномалия. Где теперь искать этого Крита? Город маленький и полон идиотов, может быть найду хоть одного, отличающегося повышенным уровнем умственного развития?

– Привет, сынок, какими судьбами? – спросил меня дед на входе вокзала. Эта его любимая фраза, чтобы встречать зазевавшихся гостей.

– Привет, старый, помоги-ка мне! – я не из тех людей, с которыми можно так обращаться, пусть поймет это сразу, – Утром поезд приехал, из столицы. Выходил кто-то?

– А я откуда знать должен? – дед нахмурился, он понял, с кем имеет дело, не хотел продешевить.

– Ты, старый, здесь все видишь. Умный ты, коли столько прожил. Идиот бы не протянул. Коли хочешь еще пожить,

то не выделяйся, а говори! – я нарочито медленно прошел сквозь рамку металлодетектора, которая заорала на весь вокзал. Полиция, дремавшая в уголке, дернулась было в мою сторону, но, увидев меня, вернулась к своему мирному делу. Они наши. Дед это быстро смекнул.

– Понял тебя, сынок, ты прав, я все вижу, хоть и зрение уже слабовато. Сошел один, не местный, сказал, что он то ли журналист, то ли корреспондент какой-то. Про наш город хочет рассказать, да туристов позвать. Популярность, мол, провинций поднимает.

– Помнишь, как выглядит? По фото сможешь определить?

– Нет, не помню, говорю же, зрение уже слабовато. – я все-таки достал телефон, показал фотографию. – Нет, не помню, может и похож, а может и нет. Этот еще по-летнему одет, да в очках, а наш журналист в куртке, да шапке.

– Какого цвета куртка? – я начинал беситься, голос медленно срывался на рык.

– Не помню, сегодня уже много людей прошло, и все в куртках. Не помню, хоть убей!

– Сегодня не убью, но будь внимательнее в следующий раз! Может, понадобится еще! – я оставил деда, который тут же начал креститься и одними губами тараторил молитву.

Дела шли плохо, нервы шалили, да еще и устал, как пес. Надо бы с полицией перетереть.

– Здоровая, господа блюстители порядка и закона!

– Здравия желаю! – оба легавых вжали шеи в плечи, да приложили ладонь к вискам. – Мы можем помочь как-то?

– Как-то можете, во сколько на дежурство вышли?

– Вот, минут пятнадцать как, еще и из-за снега задержались. Простите.

– Бог простит, а я приму к сведению. Камеры работают?

– Муляжи, командир! – легавые нервничали, ладно, пусть босс им премию выпишет, если хоть один хороший ответ услышу.

– А на перроне?

– Работают, да!

– Что же вы молчали, любезные, ведите!

Мы прошли в будочку охраны, по совместительству, место отдыха полиции. Одного оставили дежурить, а то мало ли. Порядок надо блюсти, а то воцарится анархия. А кому она нужна? Не мне и не нам.

– Давай на 4:50 мотай! – полицейский послушно нажал на кнопку, первое время на экране в обратной перемотке мелькали люди, собаки, птицы и поезда. Потом картинка пропала. «Пленка» еще крутилась в обратную сторону, судя по тайм коду, но экран отображал только серо-белую массу. Перемотка остановилась. Серо-белая масса осталась.

– Что это? Где картинка? – терпеливо поинтересовался я.

– Это она и есть, 4:50, как и просили...

– Где картинка, идиот? Мотай дальше, только чтобы медленно, не пропусти ничего!

Перемотка шла, время на экране прыгало в сторону увеличения, шесть часов и тринадцать минут. Картинка изменилась. Серая масса оказалась снегом, которую теперь смахивали щеткой с объектива камеры.

– Как ты это объяснишь? – почти шепотом произнес я.

– Видимо... Видимо, снег залепил...

– Есть еще камеры?

– Только эта осталась. С другой стороны вокзала камеру сорвало ветром, третья поломалась еще в прошлом году, ее нам до сих пор не вернули с ремонта. А остальные – муляжи.

– **ИДИОТЫ! КТО ВАС ТАКИХ ВУНДЕРКИНДОВ ПОМОЕЧНЫХ НАШЕЛ!?** – я сорвался, глотка позволяла орать еще сильнее, но я этого себе не позволил, чтобы не привыкали. – В следующий раз, когда я приеду с неожиданной проверкой, все камеры должны быть в рабочем состоянии!

– Но это же не к нам вопрос! Это начальник вокзала должен решать!

– Я поручаю тебе урегулировать этот простой вопросик, понял? А если не понял, то я специально для тебя открою две вакансии: первая – в отделе полиции, им понадобится новый песик, а вторая – на вокзале, где ты будешь сутками напролет счищать снег с камер видеонаблюдения. **ТЫ МЕНЯ ПОНЯЛ?** – легавый согласно закивал.

Настроение было отвратительное. Два варианта: либо этот журналист – наш кадр, либо нет. В первом случае, Крит остался здесь, и надо его найти. Во втором случае – надо

дать какому-то левому журналисту понять, что туристов мы не ждем, и внимания не ищем.

Куда он направился? Сразу к месту? К нам в штаб? Или решил прогуляться по городу в поисках гостиницы. В столице Крит жил в дорогом апарта-отеле, надо полагать, что деньги у него имеются. Такси? Возможно. Я пошел к парковке возле вокзала, короткая стрелка часов приближалась к цифре «8». Я валился с ног от усталости. Нервы давали сбой. Еще пара идиотов и я себя не сдержу. Ствол под курткой приятно охлаждал бедро, как бы говоря: «Эй, приятель, я что-то засиделся и подмерз, давай устроим кровавую баньку, разогреемся?». Не стоило давать мыслям такой ход. На парковке стояли три машины такси. Я попросил водителей выйти и собрал всех в кружок перед собой.

– Итак, господа, я предлагаю вам деньги, которые вы будете зарабатывать три дня и три ночи при очень хорошем раскладе. А вы мне за это находите одного туриста, идет? Кто первый – того и деньги.

– Идет, как искать?

– Не мои проблемы. Он приехал сегодня утром, столичным поездом, вероятно, уехал на такси искать гостиницу. Скорее всего дорогую. Погнали!

Через семь минут и тридцать секунд ко мне подошел самый молодой из трех бомбил.

– Я нашел, одна наша машина колесит по городу, заехал уже во все наши хостелы и гостиницы. Пока стоит возле

одной уже минут пятнадцать. Надо полагать, что Ваш кадр там! – парень показал мне экран телефона, на котором отображалась карта нашего городка. По карте ползли метки с шашечками. Трое стояли возле вокзала, еще двое колесили по городу, а последний прилип к хостелу в центре. Я хорошо знал это местечко. Только пару лет назад оно было неплохим борделем с широким ассортиментом, потом мы его прикрыли, так как хозяин заведения не хотел делиться товаром или деньгами. Так у нас в городе не делается. На месте пожара быстро отстроили небольшой двухэтажный домик, конечно, уже под нашим контролем, и образовался простенький, но добротный хостел и кафешка рядом. Хозяин кафе в подвале содержал маленькую лабораторию, где работали наши «ученые».

– Спасибо, приятель, удружил! – я достал из заднего кармана джинс смятую бумажку, отдал водиле. – Дай свой номерок, старина, может, еще пригодишься, когда мне надоест водить или понадобится хоть кто-то без дерьма между ушей.

Парень обрадовался, протянул визитку, потрёпанную по краям. Она была его единственной, заказал когда-то в типографии пробники, которые до сих пор использует. Плевать, я засунул бумажку в визитницу, парень удрученно проводил ее взглядом, но промолчал. Люблю я таких, молчат, когда нужно. Взамен я дал ему другие бумажки: визитку хорошей типографии, где парню сделают хорошую скидку, и еще одну купюру.

– Держи, толковая типография, там сделают качественнее твоей бумагульки, дай карточку эту и будет большая скидка, а если скажешь, что от Исалама пришел, то могут еще подарочки подогнуть! Денег должно хватить. Только смотри мне! Не зарывайся!

– Спасибо большое, я же не...

– Эй, прекрати, а то перестанешь мне нравится! – с этими словами я развернулся на каблуках, сел в свою машину и направился в центр города.

Такси уже не было, когда я подъехал. Стеклопанная дверь открылась передо мной. Справа от входа сидела бабка-вахтерша. В глубине помещения был слышен гул воды в душевой. Как было бы просто его пристрелить! Даже проще, чем доставить сюда из столицы стариков, хотя, куда уже проще: всю работу сделал сам заказчик, только упаковать и доставить. С одной только девчонкой проблемы возникли, она была умнее остальных, не хотела садиться в машину к незнакомым дядям. Уж не знаю, что подействовало на нее больше: пистолет между лопаток или седативное в вене? По слухам, брыкалась она знатно. И что с господином заказчиком не так? Вроде, ему больше старики и старухи нравились, а тут на молодуху потянуло. Долбаные извращенцы. Я отвлекся, бабка уже пару раз дала о себе знать.

– Здравствуйте, уважаемая! Мне узнать у Вас что-то нужно.

– Так спрашивай сынок! Столовая здесь за углом!

– Как любезно с Вашей стороны, леди, но мне нужно знать, кто у вас поселился только что, буквально. – лицо бабули переменялось с любезности на наигранную озадаченность.

– Не могу сказать, сынок, правила конфиденциальности запрещают.

– Слушай меня, старая! Кто заселился?

Бабка сопротивлялась, но, как известно, против лома нет приема, если нет другого лома. Мой лом – пистолет под ремнем, который я показал бабушке, у нее такого не было... Оливер Кромвель. Оригинал, блин! Черт! Вода в душе остановилась! Надо сваливать! Останусь в стороне, когда выйдет, тогда и прослежу. Я позвонил коллеге, пусть он следит, я хоть вздремну...

Поспать удалось часа полтора-два. На целый день бодрости не хватит, зато ближайшее время не буду ходить сомнамбулой. Разбудил меня коллега, когда Кромвель садился в такси. Правда, я не успел разглядеть лица, да и мой напарник не знал, как Крит выглядит, чтобы опознать в журналисте нашего детектива. Решено было поехать за ними, так как пересаживаться было поздно, то машину повел коллега. На одном перекрестке мы подъехали слишком близко. Но пассажир был увлечен беседой с водителем, авось не заметил. А вот другой перекресток был провалом всех киношных шпионов!

– ИДИОТ! ТЫ ПРОЛЕТЕЛ НА КРАСНЫЙ! – заорал я на

коллегу.

– Какая разница, легавые и голову в нашу сторону не повернули!

– Ты не понимаешь? – вкрадчиво заговорил я сквозь плотно стиснутые зубы. – Возможно, мы преследуем опытного детектива, который еще практически не совершал ошибок, который с легкостью рассекретил твоих и моих коллег в столице, который НАШЕЛ НАС ЗДЕСЬ! А ТЫ ТОЛЬКО ЧТО ПОДТВЕРДИЛ ЕГО УВЕРЕННОСТЬ В ТОМ, ЧТО ЕГО ПАСУТ! Если он хотя бы такой же не идиот, каким я его считаю, то теперь он будет вдвое осторожнее. И ему уже не надо будет прятаться от нас. ТЫ ПОНИМАЕШЬ?! – машина такси, тем временем, подкатила к «порции пельменей». – Остановись там, возле сугроба и дерева. Они нас не увидят, а мы их – легко.

– Я не вижу их! – обиженно пробормотал коллега.

– Потому что ты идиот. И ничего не видишь дальше собственного хобота! – мне потихоньку срывало крышу. – Что ты видел, пока я спал?

– Ничего, подъехала скорая, вышли врачи, потом сели обратно. Все было тихо, никого не было вокруг.

Я промолчал. И молчал еще сорок минут, пока Кромвель с таксистом не вышли из ресторана. Точнее сказать, не Кромвель, а Крит собственной персоной. Я не сдержал улыбки. Я нашел его! ДА! Босс вознаградит меня. Я тут же набрал номер его телефона:

– Слушаю!

– Босс, я нашел его! Он здесь, в Севере.

– Кто? Крит?

– Да, это точно он. Называет себя Оливером Кромвлем, колесит по городу на такси под личиной журналиста.

– У нас нет данных про это его имя. Точно он?

– Да, как на фото. Один в один.

– Хорошо, следи за ним, активных действий не совершать, только слежка.

– В смысле? А если он сделает что-нибудь?

– Что, например? Убьет корову и трахнет попугая? Не будь идиотом, он про нас не может знать очень много, если только вы не засветились... – повисла пауза. – Вы ведь не засветились?

– Босс, я не виноват, это все...

– Молчать! Я понял. Он должен получить или отправить какие-то данные. Если ты ничего не нашел в поезде, то это не значит, что у него ничего нет. Вынюхивай. Мне сообщили из его агентства, что он сделал какой-то запрос. Здесь мы бессильны, так как любые действия напрямую нас выдадут. Пока у них нет улики, чтобы нам помешать, но... постой... мне надо идти... – звонок оборвался.

Что за? Я снова набрал номер: тишина. ДАВАЙ РАБОТАЙ! Снова: короткие гудки. Снова: «набранный Вами номер временно недоступен, пожалуйста, перезвоните позднее!».

Что за дьявольщина?

– Послушай сюда, умник. Сейчас тебе вызову машину, ты поедешь к нам. Разберись, что там, да как? – обратился я к коллеге.

– Я тебе не посыльный!

– ТЫ НЕ ТО, ЧТО ПОСЫЛЬНЫМ СДЕЛАЕШЬСЯ, ТЫ, ИДИОТ, ДЕРЬМО ЖРАТЬ БУДЕШЬ! – я схватил парня за грудки. – Как ты не поймешь никак, что я здесь командую, пока босса нет рядом! Вали отсюда! Много чести тебе машину вызывать! Сам разберешься. Позвони, как приедешь на место!

Наконец-то моя машина освободилась от идиотской туши. А эти двое как раз прогрели свой драндулет. Ну, что же. Покатаемся по городу?

Глава 13. Обрываются нитки, кукла падает на пол.

Человек, который привык, что ему указывают, не может жить без приказа, он становится куклой. Как только кукле обрезают ниточки, она падает на пол. Если обрезать ниточки такому человеку, то на пол спадает крыша.

Вот я себе работку надыбал. Сейчас бы голову кому открутить, а я копаюсь в урне, полной использованной туалетной бумаги в поисках содержимого желтого изодранного конверта без адресата и марок. Твою мать...

Глаз покосился на унитаз. На дне валялся крошечный скомканный клочок бумаги с размытой и нечитаемой надписью. СУКА!

Так тщательно я еще никогда в своей жизни не мыл руки. Если мои внуки спросят меня, кем работал их бабушка в сорок лет, то я лучше признаюсь в убийствах, грабежах и угрозах, чем вот в этом. Еще и куртка испачкалась.

В мокрой куртке, с мокрыми руками (в гостиничном туалете не работала сушилка), с абсолютно отвратительным и подавленным настроением я отправился к выходу. Такси пришло в движение точно тогда, когда я вышел на улицу. Из окна с пассажирской стороны высунулась голова Крита. Последнее, что я увидел перед тем, как машина свернула за угол – вытянутый средний палец наглого детектива. Я сел в машину. Сразу погнал за этим такси. Но даже следов на дороге не было видно. ПРОКЛЯТЫЙ СНЕГ! Ладно... Успокойся. Надо все расставить по своим местам. Крит в точности знает кто я и зачем я за ним слежу. Он нагло смеется надо мной, понимая свою безнаказанность. Значит, у него больше данных, чем у меня. Чем у НАС. Или даже больше, чем я о нем думаю. ИДИОТ! Стоп, надо хотя бы самому себе признаться, что парень умен, хитер и скользок, как уж.

Еще несколько часов я колесил по городу, давно перевалило за семь вечера, а тьма сгущалась вокруг не справляющихся с освещением фонарей. Снег перестал сыпать с ужающей мощью, но воздух все еще искрился перед фарами

моей машины. Я нигде не мог найти Крита. Логично, чтобы не сорвать себе прикрытие, он должен был колесить по городу на такси и делать репортажи по несколько минут возле каждой достопримечательности города, который очень сильно обделен таковыми. Я измотался, нервы были натянуты, как тросы альпиниста, да еще и с базы не звонили. Ни начальник, ни идиоты коллеги. На звонки тоже не отвечали. Полное радиомолчание. В совсем уж плохом настроении я вернулся к вокзалу, где на той же парковке, где я был утром, зависал парень «с визиткой». И тут меня осенило – приложение, которое показывает расположение таксистов в городе. Да хотя бы телефон того самого таксиста, который возил Крита. Все это можно было узнать у его коллег! Вот я тупой! От усталости совсем мозги спеклись. Я подбежал к парню, он тоже меня узнал и потянулся за рукопожатием. Я пожал ему руку, правда, перчатку не снял, очень торопился.

– Дружище, ты мне и нужен!

– Здравствуйте! Все, что угодно! Я уже съездил в типографию, как только я назвал Ваше имя, так сразу мне все начали оформлять, дизайн уже готов, через пару дней будет сто визиток! Огромное спасибо! – парень тараторил так быстро, что я даже не успел и слова вставить, и смог озвучить свою просьбу только после того, как он остановился.

– Ага, без проблем. Мне нужно узнать расположение и номер телефона одно мужика из ваших. Есть варианты?

– Без проблем! Но если Вам нужны услуги такси, то Вас

я бесплатно, куда скажете...

– Нет-нет, не обижайся, я сам на колесах, просто скажи где он сейчас и дай его номер. Это тот самый, про которого я спрашивал утром. Помнишь его?

– Еще бы не помнить. Самый хороший в городе, все места знает! Сам ходячий навигатор, если спрячется, то не найдешь, даже если сам карту знаешь, как свой большой палец.

Я немного приуныл, но это ничего, всегда найдется рыба крупнее. Попробуем побороться за звание «лучший бомбила месяца». Парень быстро нашел нужную точку с шашечками на карте. Она стояла на месте в каком-то спальном районе. А потом погасла прямо у меня на глазах.

– Что произошло? Где он?

– Запомнили место? Там он выключил приложение минут пять-семь назад. Может, спать пошел домой, или перекусить. Вот его номер, зовут Сэм. Но не обращайтесь к нему по имени, он обычно не знакомится с пассажирами. Скрытый немного, говорит, мол, нам детей не крестить.

– ОК, спасибо, я к тебе еще заеду, подарочек принесу за твою работу!

– Можно деньгами! – пошутил и сам заулыбался со своей шутки таксист.

– Деньги мимолетны, благодарность вечна!

Парень еще долго смотрел мне в спину, когда я уходил к машине и уже названивал бомбиле.

– Алло?

– Здравствуйте, Вы меня как-то подвозили, – начал я заискивающе. – Вот, снова понадобились Ваши услуги, начальник.

– Ох, извините, я сегодня уже не работаю, целый день на колесах.

– Вы меня немного неправильно поняли, меня даже везти не надо далеко. Я просто прошу заехать в магазин и отвезти моей матушке продукты, я за все заплачу, а Вам, конечно, за работу, и еще сверху накину. Идет?

– Ладно, черт с Вами, говорите адрес и список покупок!

– Я все отправлю Вам сообщением, до связи!

– До свидания.

Ничего отправлять я не собирался, конечно, минут через семь просто напишу, мол отбой. Весь звонок мне нужен был, чтобы понять, занят он с клиентом сейчас или нет. Если он согласился на поездку, значит готов работать, значит Крит не с ним. Установить бы его домашний адрес, да наведаться к нему. ЧЕРТ, почему эти идиоты не берут трубки! Мне надо пробить номер квартиры, а без компьютера я не справлюсь никак. Ехать на базу сейчас уже было бессмысленно. О! Идея! Все-таки напишу ему список продуктов, только ждать его я буду не у него дома, даже не на придуманном адресе, а у него в машине. Я же точно запомнил место, где погасла точка на карте. Туда и двину. Ехать около десяти минут, пока буду в дороге – кину СМС-ку.

Да, вот она – та самая тачка, и номер совпадает. Водилу

не видать – отлично. Так, сигналки нет, доверчивый идиот, проводок там, проволочка здесь, чик и готово. Я затаился на заднем сидении, набрал сообщение, нажал кнопку «Отправить», затих. Вот он, да, точно он, пошел в магазин. Как же холодно в машине лежать без движения. Надеюсь, он там быстро купит хлеб, плавленый сыр, колбаску и минералку. Хм, заодно и поем. Первый раз за сегодня, если не считать хот дог в обед. Вот он, спустя десять минут вышел. Стоп, что-то не так, почему он возвращается домой. ТУК-ТУК-ТУК.

В тонированное пассажирское заднее окно машины кто-то стучался. Я медленно, насколько позволяла затекшая шея, повернул голову в сторону окна. Твою мать, а полиции что здесь понадобилось?

– Выходите из машины, живо! Руки держать так, чтобы я их видел!

Стоило только достать ствол и расстрелять идиота, но рано, я просто с силой толкнул приоткрытую дверь. Легавый отлетел и упал задницей в свежий сугроб. Его тушка застряла, ноги и руки нелепо болтались, будто просунутые в гигантскую пуговицу. Я подошел к сугробу, легавый увидел мое лицо и перестал барахтаться.

- Будешь знать, как старших не уважать!
- Простите, пожалуйста, Исалам, не трогайте!
- Пока не буду. Откуда узнал, что я в тачке?
- Нам поступил анонимный звонок, что в машину кто-то залезает, сказали, что видят из окна.

Я резко повернул голову в сторону дома, в подъезде которого только что исчез водила. В окнах его нет. Хотя, может и спрятаться успел.

– Услуга за услугу! Я помогу тебе выбраться, пока ты себе почки не отморозил, а ты мне найдешь номер квартиры владельца этой машины. А в подарок я не буду стучать твоему начальству о твоей некомпетентности. Договорились?

– Да!

Полицейский с моей помощью легко выбрался из снежного завала, быстро подошел к патрульной машине и проговорил в рацию:

– Вызов ложный, повторяю, вызов ложный, прием!

– Вызов ложный, Вас поняла! – прохрипела рация.

– Нужно пробить адрес владельца машины по номерам, срочно!

– Ты там сдурел? Ночь-полночь, никого в участке нет, слышишь?

– Если ты мне сейчас не поможешь, то никого больше не будет в участке! Здесь Исалам!

– Диктуй номер машины! – я ухмыльнулся. Хорошо же мы выдрессировали фараонов, что одно упоминание моего имени их вводит в панику.

Через минуту полицейский продиктовал мне адрес. Улицу и дом я и так знал, они были напротив, а вот за номер квартиры – спасибо.

– Давай, снеговик, не мерзни, КЫШ!

Легавый сел в машину, завелся и решил, что ему лучше не быть свидетелем моего торжества. Я поднялся на второй этаж, нашел нужную квартиру. Надавил пальцем на дверной звонок. Тишина. Постучал. Тишина. Вынес дверь с ноги. Мужик в стареньких разношенных джинсах и майке встретил меня с ножом в руках.

– Тебе что надо? – в глазах читался страх.

– Поговорить. – было видно, что мужик знает, что бессмысленно говорить о полиции, бессмысленно угрожать. Он все видел из своего окошка с видом на двор, где происходил театр с сугробом и мной в главных ролях. Я вытащил пистолет. – Ты сегодня возил журналиста, где он сейчас?

– Пошел отсюда! Ничего я тебе не скажу, так как не знаю, убери ствол и убирайся сам!

– Ты не очень любишь общаться, а это плохое качество для таксиста! Я еще раз повторяю, где мне его найти?

– В хостеле я его оставил! Понял? В центре, который на месте борделя. Он сказал, что поест и ляжет спать. Мы сегодня снимали весь день. Даже я устал, а я только баранку крутил.

– Позвони ему!

– У меня нет номера!

– ОН ЖЕ ТЕБЕ ЗВОНИЛ! НАЙДИ НОМЕР, ИДИОТ!

– Мне по сто человек в день звонит! Я не знаю номера!

– Я тебе очень тонко намекаю, дружище. – я направил пистолет в грудь мужику, он уже был на грани истерики, но дер-

жался, нож в руке трясся, как болванчик на торпеде авто. – Быстро отыщи его, не то придет твоей насыщенной жизни конец! БЫСТРО!

– Нет у меня его номера, что не понятно?

Мужик сделал шаг ко мне, или мне показалось, что сделал, или он просто потерял равновесие из-за нервного перенапряжения. Но я и сам был на взводе. Моя рука хотела сжаться в кулак. Но в ней был пистолет.

Это уже не первый покойник на моем счету. Только раньше я штамповал мертвецов только по приказу. Этот выстрел заставил меня отшатнуться и упереться спиной в закрытую за мной дверь. Твою мать, надо сваливать, только телефон его прихвачу! Сейчас соседи набегут. ЧЕРТ-ЧЕРТ-ЧЕРТ!

Я уже спускался по лестнице, когда услышал хлопанье дверей и пронзительный женский вскрик. Неудобно получилось. Обычно я за собой прибираю.

Когда я был уже в машине, которая не торопясь катила в сторону центра города, мимо меня с мигалками пролетели машины скорой и полиции. Скорая точно ехала зря. Мужу уже было не помочь. Вслед за ними неслась черная иномарка с двумя мужчинами в костюмах на переднем сидении. Мэр куда-то двинул что ли? Не помню у него этой машины. Хотя у него их столько, что помнить все может только декларация об имуществе и доходах. Хотя, вряд ли там фигурирует весь автопарк. Я посмотрел в зеркало заднего вида, чтобы еще раз увидеть иномарку. На лице темнеют капельки крови. Я

перевел взгляд. Я руках и куртке тоже следы, пусть и еле заметные.

В хостеле никого не обнаружилось, только молоденькая девочка, которая, видимо, подменяла старую вахтершу. Она сказала, что единственный постоялец вышел на прогулку, но до сих пор не вернулся. Куда он направился ей не известно. Я сел обратно в машину, достал из кармана телефон покойника, попытался разблокировать – требует пароль. Без техников не взломаю. Неожиданно раздался звонок – телефон в руке верещал и вибрировал. Номер не определился, но что-то заставило меня снять трубку.

– Алло? – спародировал я покойного.

– Привет, Сэм, это Оливер, ты меня сегодня возил, узнал? – подарок судьбы какой-то, у меня День Рождения что ли?

– Ага, – меньше разговоров, больше сути.

– Так вот, извини, что поздно набираю, – голос Крита дрожал от холода, он немного задыхался, в трубку задувал ветер. – Я тут хотел посмотреть достопримечательность одну, до которой мы сегодня не доехали. Это тот сапог, о котором мы говорили. Ты сказал, что нужно от вокзала по дороге дойти до завода, потом налево, вдоль забора и направо. Дальше до конца и я буду прям напротив памятника, а вокруг парк! Я все сделал, как ты сказал, но заблудился, а телефон скоро сдохнет. Вокруг ровным счетом ничего и кабак «У Гарика». Можешь подсказать, куда идти? Алло? Слышишь меня?

Сэм?

Ну, Сэм его точно не услышал, а вот я – прекрасно, только говорить не хотел, меня мог выдать акцент, от которого я никак не могу избавиться. Зато моя машинка, наконец-то, знала точное направление. Из трубки еще доносились какие-то слова, но я сбросил звонок. Главное, успеть, пока он не замерз там.

Кабак «У Гарика» – островок моей родины в этой дыре. Конечно я знал, где это, только вот Крита там не оказалось. Я выключил фары и прокатился по окрестностям – решил подъехать к «сапогу» с другой стороны, там забор и деревья, меня точно не увидят, а вот я рассмотрю все в подробностях.

Так оно и есть, вон Крит смотрит на памятник. Нет, не на него, а под него! Что ему там надо? Снег целый день шел, ничего не разглядеть. Вот он, прорывается через сугробы к постаменту. Но, что за черт? Когда Крит обходил постамент с его задней стороны, в нем открылась дверца. Половину жизни здесь прожил, но впервые такое вижу. Из двери вышел не кто иной, а наш заказчик, уж не помню, как его там зовут. Но лица я запоминаю на всю жизнь. Точно он! Дверца закрылась, а стена постамента снова стала цельной. Издалека казалось, что там и не было никакой двери. Крит заметил заказчика, они о чем-то говорят... Вот это скорость! Крит даже увернуться не успел, так быстро заказчик вонзил в него нож, размером с мое предплечье, даже его острие высунулось из

спины детектива и блеснуло в свете фонарей.

Вот так дела! Надо подойти ближе. Я уже шел к памятнику, когда дверь открылась снова, на снег упал желтый свет множества ламп накаливания. Заказчик занес тело Крита внутрь, дверь снова закрылась.

Резкое движение. Черная полицейская дубинка со свистом рассекла воздух и прилетела мне в лоб. Тишина, только головная боль, сине-красные отсветы перед глазами. Эндрю... Нет, Энди. Вот как зовут заказчика. Точно!

Глава 14. Открой дверь.

*Любая макака с клавиатурой в лапах может извергнуть из себя начало. Но концовка – это нечто невозможное.
(Чак Шерли (Бог). Из сериала «Сверхъестественное»)*

Я медленно приходил в себя. В голове путались мысли. Вокруг меня материализовывались старые каменные стены, освещенные множеством старомодных фонариков с лампами накаливания. Что это за место? Надо было собраться с мыслями! Итак, меня зовут Тобиас Крит. Я частный детектив. Сегодня или вчера приехал на поезде в городок под названием Север-3. Ага. Есть! Что было дальше? Я поел пельменей с таксистом. Получил от своего помощника практически бесполезную информацию с помощью письма, отправленного в гостиницу, а также письма, отправленного на од-

нодневный электронный адрес. По какой-то причине я почувствовал сильную злость при воспоминании о своем помощнике. Чем он меня рассердил? Потом мы с таксистом колесили по городу, он мне показывал разные здания, рассказывал об истории города. Мы заехали в музей подземной жизни, в которой показывали возможные карты катакомб под городом, возможные причины их возникновения: от банального – старый город засыпало вулканическими породами, а когда строили новый, то не заметили, до фантастических, таких как заговор тайных обществ и места встреч инопланетян. К каждой версии прилагалось соответствующее исследование и ряд доказательств гипотезы. Потом мы с таксистом снова поели в какой-то кафешке быстрого питания и разошлись по домам. Было уже около семи вечера.

Что-то я упустил. Чего-то не хватает! В голове шумели мысли, я пытался их структурировать. Оп! Точно! Вот оно! Самое главное! Я пошел куда-то гулять. Но, куда? Точно! Воспоминания выстроились в правильную последовательность. Мне позвонил Джимми. Он и поведал мне интересную историю. Его заинтересовала странная активность с одного из наших IP-адресов. Вначале создалась почта, потом с адреса нашего агентства на эту почту отправили письмо, а потом такое же письмо было отправлено на еще один адрес, который был совершенно не знаком ему. Далее почта была удалена весьма топорным способом. Даже при небольшом желании хакера ее удалось восстановить. Он сразу догадался,

что письмо было отправлено мне, но вот кому отошел второй экземпляр? Пробить почту оказалось делом непростым, и через пару часов ломания всего даркнета удалось понять, что эта почта связана с финансированием одной до боли известной базы маргиналов из городка Север-3. Найти отправителя оказалось делом крайне простым. Залезть в локальную сеть, включить все камеры, а при открытии письма – сделать снимок камерой со вспышкой. Через минуту мигнул диод у моего помощника. Далее дело за малым – прижали всем коллективом паренька, он и сознался, что его подкупили еще летом, подвергли шантажу и ему пришлось работать на них, только он не переставал быть нашим сотрудником, и старался отправлять им минимум информации. Также он подтвердил, что подключил один из телефонов к прослушке, чтобы снять с себя подозрение. Джимми залепил ему кулаком в лицо: выбил один зуб и разодрал губу. Потом хакера оттащили от паренька. Зато, благодаря этому дурачку, удалось выяснить много разных деталей, так как почта, на которую было отправлено письмо дало массу возможностей. Во-первых, их точный адрес. Во-вторых, все их связи с мэром города, полицией, наркодилерами, сутенерами, продавцами оружия, подвязки с аналогичными организациями в других уголках страны. Вскрылись такие факты, что молчать было нельзя. Было решено позвонить коллегам из госбезопасности, которые были с нами в дружбе с одного дела, о котором я очень хорошо помнил. Они быстро направили к нам свое-

го агента, который никак не мог распутать странный клубок дел в Севере-3, который вел уже несколько лет. Таким образом было собрано достаточно улик, чтобы взять всю шайку-лейку разом. Пока собирали команду и вызывали спецназ, оформили все нормативные документы, опять-таки благодаря нам, таким хорошим, которые помогли недавно столичному судье выяснить с кем спит его любовница и настроить в его семье полнейшую гармонию и взаимопонимание (любовница спала с женой судьи, чему последний немало обрадовался). Дело за малым, спецназ накрыл всю банду, агенты зашли к мэру и многим другим чиновникам. Счастливый конец! Во время обыска базы этих бандитов много что говорило о каком-то «сапоге», часто он фигурировал, как место встреч с заказчиком, имя которого не упоминалось ни разу, и членов банды. Что это за «сапог» ни агенты, ни мы так и не выяснили. Бандиты, все как один, молчат. Пока не взяли только одного официального члена банды.

Оставались вопросы. Что за «сапог»? Кто заказчик? И самый главный: где я, черт возьми?

Ладно, «сапог», вероятнее всего, это памятник рабочему, которого растащили на лом. Осталась только нога, обутая в рабочую обувь, ну, похоже на возможную версию. Заказчик? Перед закрытыми глазами всплыла разъяренная физиономия знакомого мужчины, огромный нож, холод и боль, проникшие через живот и спину.

Я открыл глаза! Теперь уже не просто каменные стены

плыли перед затуманенным взором. Теперь передо мной вырисовывалась четкая картинка тюремного блока с железной решеткой. Я встал на ноги и осознал, что не чувствую боли, которая, несомненно, должна была быть после удара ТАКИМ НОЖОМ. Я был уже без куртки, только в футболке и рубашке, на ногах были джинсы, а ступни стали обнаженными. Моя верхняя одежда и обувь лежали аккуратно сложенными в метре от камеры. Кому, а главное, зачем нужно было меня раздевать до такого состояния? Я поднял футболку, чтобы рассмотреть место удара ножом: на белой коже виднелась чуть более светлая полочка, будто я случайно поцарапался ногтем несколько часов назад. Прощупывания спины не дало никаких результатов – абсолютно гладкая кожа, только пара родинок нарушала кожный покров.

– Тоби? – меня кто-то позвал, голос женский, даже девичий, только очень уставший, и измеченный. Акустика этого каменного грота никак не давала возможности определить источник звука, казалось, будто человек, который назвал мое имя, стоял прямо у меня за спиной.

– Кто здесь? Я тебя не вижу!

– Тоби! – на этот раз, это был не вопрос, а утверждение, кто-то узнал меня. – Это точно ты! Ты пришел, я боялась, что он убил тебя, но, как видно, наше проклятие поразило и тебя! Это очень хорошая новость!

– Кто ты? Назови имя, я не понимаю!

– Это я, Кэти! Я прямо напротив тебя, тут темно.

– Кэти? Вот так встреча, а я за тобой приехал, думал тебя спасать надо, а тут так уютно, что самому остаться захотелось. – нарочито веселый тон в этот раз прозвучал, как издевательство. – Где мы, кстати?

– Это какие-то тоннели, я даже не знаю, в географическом плане, где мы находимся.

– Я понял. Мы сейчас в прелестном городке, обители воря и преступности, а по совместительству населенный пункт с самой вкусной пельменной в моей жизни. Север-3, добро пожаловать! – Кэти усмехнулась, но ее прервал другой смех, мужской, немного приглушенный.

– Я думал, что это моя коронная фраза, Тобиас Крит. Добро пожаловать! – человек в маске подошел на середину круглой комнаты, по обоим сторонам которой располагались наши с Кэти камеры.

– А-а-а, ну, конечно, а зачем тебе маска? Мы же уже познакомились, Энди!

– Энди? – подала голос Кэти. – Энди Уотсон? Какого...

– Да, милая Кэти, Энди Уотсон, господин неизвестный заказчик банды болванов, чьими руками ты была похищена. И, я полагаю, остальные пропавшие тоже!

– Какой он у нас умный, детективчик доморощенный! – вдовец-безумец сорвал маску с лица.

– Увы, не доморощенный. Тут такое дело, Энди, госбезопасность накрыло всю шайку-лейку, ты остался один на один с нами и нашими проблемами. Не будь совсем плохим маль-

чиком и открой дверь. Мы побеседуем, устроим девичник, заплетем Кэти косички, позовем врача, он назначит тебе таблетки, а?

– НЕ СМЕЙ ДЕРЗИТЬ МНЕ! Козлина тупая, тебе надо было оставаться дома, ковыряться в своих мелких делишках, а не мчаться на другой конец страны за юбкой, с которой спал!

– Эх, Энди-Энди, а господин Стейт был такого высокого мнения о тебе и твоём интеллекте. Я частный детектив, тупая твоя башка! Твои песики не успели рассказать тебе? Все мои ребята точно знают, куда и зачем я пошел, если ты убьешь нас, то тебя очень быстро найдут! – мне совсем не понравилась улыбка Энди. Такая самоуверенная, такая издевательская.

– Ты не прав сразу по обоим пунктам, детектив! – безумец, все с той же улыбкой на лице отошел к каменной стене, на мгновение исчез из виду, но тут же включился свет (мне пришлось зажмуриться), и блеснул тридцатисантиметровый нож в руках Энди. – Начнем с последнего. Это не просто тоннели, это катакомбы, вопреки мнению жителей Севера-3, это не пришельцы их построили, и не военные. Это были всего лишь ученые. С самых древних времен были люди, чей интеллект был значительно выше, чем у основной серой массы челяди. Эти Гении сбивались в стаю, чтобы защищать себя. Они готовы были делиться самыми сокровенными тайнами с человечеством. Да вот только челядь тайн не любит. Не

любит думать и работать. Им все сразу готовенькое подавай. Так Гении мира сего ушли в подполье. А здесь, в этих самых катакомбах, на глубине сорока метров под землей, находилась их крепость. Камень, металл и тридцать метров земли сохраняли покой всех ученых мужей сотни лет. Пока раздоры не свели их с ума. Глобализация не для гениев. Далекое не все хотели хранить секреты, и кто-то проболтался, кому-то захотелось славы. Ему, естественно, никто не поверил. Зато известных всему миру ученых развелось, как собак нерезанных. Так и появились такие пики активности научных открытий в восемнадцатом и девятнадцатом веках. Потом перемирие, войны все-таки, все ученые вышли на поверхность, да не успели вернуться. И погибло поколение, которое помнило о тайном месте встреч. КАКИХ ТРУДОВ МНЕ СТОИЛО РАЗЫСКАТЬ ЭТО МЕСТО! Кто бы знал, но я так ликовал, когда нашел его! Так что твои дурачки и в жизнь не отыщут нас.

– Что за бред ты сейчас наговорил? Предлагаешь поверить в масонов и рептилоидов? Может сейчас еще и небеса разверзнутся, и ангелы с небес спустятся?

– Ты и половины еще не услышал, детектив!

– Тогда зачем медлить? Открой двери камер, выпусти нас с Кэти, и мы вместе прогуляемся по заснеженному Северу-3, посмотрим достопримечательности и попаримся в местной баньке под порцию пельмешек?

– Хватит нести чушь, Крит! – а парень не промах, не за-

болтаешь.

– Ты что-то говорит про мою неправоту? – я хотел всеми способами протянуть время, но мой план провалился к чертям собачьим следующими действиями безумца.

– Ты прав, я заболтался!

Он резко развернулся на каблуках, порылся в кармане, достал связку ключей и отпер камеру Кэти, которая инстинктивно забила в угол и закрыла голову руками. Такую жалостливую картину я еще в жизни не видел. Наконец-то загорелся свет в ее камере. Кэти сильно похудела, волосы поблекли, одежда истрепалась. Она не была грязной, но будто извалялась в пыли. Уотсон без тени смущения схватил ее за руку и вытянул девушку на середину комнаты, под свет лампы, свисающей с каменного потолка.

– Хочу, чтобы ты все увидел, Крит, и все понял. Видимо собственной смерти тебе было недостаточно.

– Ты чего делаешь?! Безумец, оставь девчонку в покое! Хочется издеваться над людьми, так есть более лучшие кандидатуры!

– Кто, например, а? – Уотсон жадно улыбнулся, он уже поднес свой нож к шее девушки.

– Я, например! Оставь ее! – я вцепился руками в прутья решетки. – Не глупи, я все равно придумаю, как выбраться!

– Я и не глуплю, смотри, только не пропусти ничего, у тебя первый ряд! – с этими словами он полоснул ножом по горлу Кэти. Кровь брызнула и быстро залила каменный пол. Де-

вушка упала на живот. Еще пара судорог и Кэти замерла. У меня не хватало сил, чтобы вскрикнуть. Боль утраты стальными кольцами сковала горло и грудь. Даже дышать стало тяжелее. Я не могу сказать, что когда-то пылал страстной любовью к Кэти, но она стала моим единственным близким другом во время пребывания в столице. А теперь я увидел, как ее зверски убили, красного словца ради. Боль нанесла еще один сильный удар, я заорал совершенно не своим голосом и снова забился руками о железные прутья.

– Не дергайся, детектив, эти прутья вбиты на полметра в камень и землю как сверху, так и снизу. Ты их только перегрызть сможешь. Или подумай в их сторону. Ты же такой «остроумный»! Ну, давай, посмотри до чего твои шутки довели ни в чем неповинную девчонку. Зря ты ее до дома своего провожал. Эх, милый старый дурачок профессор Стейт, был уверен, что ты разгадаешь все тайны мироздания, а ведь тебе совсем чуть-чуть не хватило. Я даже успел испугаться, когда ты пошел по лестнице вверх, на крышу. Думал, может я случайно где-нибудь оставил отпечаток, а ты их сможешь совместить с какой-нибудь базой данных. Пришлось даже Кэти похитить, так топорно, без подготовки. В твой отель мне был вход закрыт, хорошо ты все придумал, не здание, а крепость. Охрана меня вышвыривала трижды. Пришлось ее свиснуть прямо с улицы, на свой страх и риск. А теперь смотри! Наслаждайся, если она такая же умная, как о ней говорил Стейт, то она найдет дорогу домой. Не в первый раз,

кстати. Тебя убивать бессмысленно. Снова, по крайней мере.

– Да что ты несешь? Я ничего не понимаю...

– Я несу жизнь! Себе и своему сыну. Вот оно! Началось!

Взгляни...

Я опустил взгляд на тело Кэти. Лужица крови стала уменьшаться, не испаряясь, как вода, а будто ее всасывало обратно. Будто сердце научилось работать не только в организме, но и за его пределами! Тем временем, кровь полностью впиталась обратно. Все тело покрылось мелкой дрожью, девушка раскашлялась и поднялась на колени, отряхнув волосы с лица. Она ничего не понимала. Бегала глазами с меня на Уотсона. Только кровь на лезвии тесака указывала на совершенное преступление.

– Ты видел, Крит? Ты понял? – как же он ликовал, он изнутри светился безумием и радостью.

– Она ожила? Как это возможно? Ты что-то сделал с ней?

– О, нет, это господа профессора сделали с вами. Не помнишь? Традиционная закрытая тусовка в колодце института. Вас всех сделали бессмертными. Относительно, конечно. Но все-таки, жить ты будешь, пока сам не захочешь умереть! И ты тоже, дорогая подопытная Кэти! – мы оба ничего не понимали, тупо смотрели на Энди Уотсона со смесью крепкого скептицизма и полнейшего недоверия. – Я убил тебя, Крит, там на входе, надеялся, что ты сдохнешь, конечно, но рана затянулась. Ты же не помнишь, как попал сюда. Тебя не было целых сорок минут. Все-таки твоя рана была куда ужаснее,

чем у Кэти. Кстати, дорогуша, подтверди мои слова, скажи, в каком виде он был, когда я приволок его сюда.

– В чудовищном виде. Ты лежал на боку. Из спины торчало лезвие ножа. Когда он его вытащил вывалились внутренние органы: кишечник, печень. Желудок был разорван. Все было в крови. – Кэти заплакала. Я снова поднял футболку. На теле не осталось и следа от раны. Но я не мог поверить в этот бред. – Помнишь подписи Стейта, которым под сто лет? Это похоже на правду. Теперь очень похоже. Так как ты ожил. И я, видимо, тоже...

– Понял, Крит?

– Понял. Допустим, я тебе поверил. Но мы тебе зачем? Ты тоже член тайного клуба трудоголиков, который решил проверить предел возможностей своей регенерации?

– О, нет, детектив, хотя, мои исследования невольным образом затронули данную тему. Только попроси и я тебе все расскажу!

– Ты, очевидно, беседами не избалован, ладно, если это оградит тебя от бессмысленных попыток, то я только за!

Глава 15. Безумец.

У всякого безумия есть своя логика.

(Уильям Шекспир)

– Умный парень! Ты уже знаешь мою биографию, так

что для тебя не будет открытием, что моя семья разрушена. Только ты не знаешь подробностей. Жена моя, тоже была членом «клуба долгожителей», но она страшно болела. И умирала десятки раз за день. К сожалению, мы узнали о ее беременности слишком поздно. Она сотни раз погибала, пока плод развивался в ней. Это не могло не отразиться на нем. И знаешь, в чем проблема? Когда умираешь слишком часто, то грань между мирами стирается. И твой рассудок перестает забывать, что ты умер. А также он может не выдержать того, что видел ТАМ. Так случилось и с женой... Она уже не различала эти миры, когда она умирала – думала, что живет, когда жила – думала, что умерла. А после родов она попросту отказалась жить. И ушла ТУДА. Она оставила меня с ребенком, который никогда не просыпается. Я по сей день трачу все деньги и силы, чтобы он оставался жив. Ему не нужны препараты, ему не нужны специальные приборы, только забота. Я мечтаю, чтобы он проснулся. Однажды я услышал, что Стейт и Моргинсон беседуют о проклятии, я, как и ты, Крит, начал копать. Я узнал все! И сжег документы и книги об этом. Чтобы никто больше не мучился также, как и моя жена. Я похитил первую свою жертву. Она барахталась на дыбе целый месяц, перед тем, как отказалась жить. – Кэти рыдала, она не могла выслушивать это, я и сам был на грани срыва, только я все еще испытывал не жалость к нему, а сильнейшее презрение. – Я узнал очень много. Под пытками старики мне много чего рассказали. Тот свет не свет

вовсе. Это бесконечный лимб из спящих тел и навеки проклятых теней, которые больше никогда не уснут. Когда умираешь здесь – оживаешь там, и наоборот. Проклятие только дает возможность снова уснуть. Пока не зажили твои раны, ты находишься там – в собственном теле, можешь дышать и говорить, заходить в любую дверь лабиринта, сотканного из теней. Ты можешь встретить там давно умерших, и еще живых – мирно спящих в своих жизнях. Я отправлял туда стариков. Они искали моего сына. Правда, у меня тоже оказались ограничения – если слишком долго поддерживать раны недавно усопшего, то они начинают гнить, тогда уже душу обратно не вернуть... – он снова ухмыльнулся. Теперь мне стало очевидным, Энди не безумец, он маньяк, одержимый. – Один старик все-таки нашел моего сына, он привык жить там, в мире теней, и даже не замечал ничего странного, для него тот мир стал реальностью. Они со стариком даже успели переговорить, только время заканчивалось. Сыну нужно, чтобы тот нашел нужную дверь, за которой ждет его смерть, чтобы он уснул там и проснулся, наконец-то здесь. – я настолько погрузился в рассказ, что начал замечать изъяны плана Уотсона: если его сын умрет там, то здесь он будет тенью, а не живым человеком, обряд тоже не помог бы ему, ведь он бы возвращался туда. Его сын был не таким, как мы, он, как бы, был вывернут наизнанку, человек-антоним.

– Подожди, Уотсон, ты не видишь, что это не сработает!

– Да-да-да, Крит, ты прав, а вот она еще не поняла. Да,

красотка Кэти? Не поняла. А я понял, что для реализации плана мне нужен этот обряд. Я залез на крышу и записал каждое слово, каждый звук, каждое движение и каждый артефакт, который использовали профессора. Я воспроизвел обряд, но бомж, которого я украл с улицы, просто умер. Я похитил Стейта, тот, под пытками, пересказал обряд в точности, как у меня записано, и даже провел его, но второй бомж умер той же смертью, что и первый. В конце концов, я победил, может, звезды сошлись, может, мне повезло, но обряд сработал, и очередной столичный бомжара стал королем мира! Я несколько раз закрепил результат. И решил испробовать его на сыне. Следующий профессор отправился убивать моего сына в мире теней. Ничего не вышло... Никакого оружия туда не пронесешь. Сделать его тоже не представляется возможным, можно, гипотетически, задушить кого-то, но хилый старик не смог бы одолеть сильного молодого человека, который за свою жизнь в теневом мире научился выживать. Мне нужен был человек молодой и сильный. Только вот в этом году все особи мужского пола были худы, очкасты и соплёй сшибаемы. А тебя, дорогой Крит нельзя похитить без шумихи. И тут, конечно, нам помогла твоя милая подружка. Уж за любовницей ты бы помчался на край света точно! Ну, не за любовницей, так за юбкой! Что ты на меня зыркаешь? Дыру не прожжешь, точно тебе говорю! И вот, наконец-то, каким-то чудом ты обо всем догадываешься. Как я хотел бы подтолкнуть тебя к решению, но ты бы все понял!

Исалам и другие «песики» тебя недооценивали, это точно! В отличие от меня. Я сразу понял, что ты провел качественную работу, что ты много всего узнал. Даже как-то пробился на закрытую вечеринку. А туда пускают только избранных, да, Кэти? Не рада уже, наверное?

– Скажи, Энди, хоть кто-то из стариков еще жив? – в моем голосе еще тлел огонек надежды, Уотсон это почувствовал, он хотел поиграть со мной, прежде, чем начнет меня раз за разом убивать.

– Естественно, не все глупцы выбирают смерть, правда, от доброй половины толку, как от козла молока. Они сейчас не то, что экспериментами готовы заниматься, но даже сопли подтереть не могут.

– Отпусти их, прошу тебя, я у тебя останусь! Сделаю все, что попросишь, а если не сделаю, то ты можешь меня спокойно убить. Договорились?

– Не договорились! На что мне ты мертвый?

– Я тоже с тобой останусь. – почти шепотом пролепетала Кэти.

– Вот это мне уже больше нравится! – Уотсон сделал шаг нам навстречу. – Выведи стариков, позвони кому-нибудь, пусть их заберут.

– Хорошо, открой дверь!

Энди сунул свой огромный нож в ножны на бедре, подошел к моей камере, достал связку ключей. В этот момент Кэти почувствовала запах относительной свободы и, обезу-

мев от ненависти к безумцу, вытащила тесак из набедренного чехла. Энди был не пальцем деланный, тут же развернулся и готов был напасть на девушку, если бы я не схватил его за плечи, обхватив снизу его руки своими, протянутыми сквозь прутья решетки. Все еще разогретая безумием Кэти, не останавливаясь, воткнула нож в Энди с такой силой, что острое прорезало мою кожу на груди и воткнулось в грудину. Я вскрикнул от боли и упал на пол своей камеры.

– Кэти, не вытаскивай нож! Он может очнуться, если на него тоже подействовали обряды, которые он несколько раз провел! – девушка послушно закивала, отпустила трясущимися руками рукоять, вытерла слезы, оставив на скуле кровавый след.

Энди Уотсон в последний раз моргнул, глубоко вздохнул, на его губах застыла странноватая улыбка. С ресниц мертвого безумца скатилась слезинка.

В эту минуту на другом конце страны, в больничной палате очнулся Сэмюэль Уотсон. Протянув руку к прикроватной тумбочке, он взял маленькую фотографию в рамке – Энди и Энн Уотсоны, его отец и мать. Такие молодые и красивые. На звуки медицинских приборов прибежали врачи. Одни улыбались, другие плакали, глядя на молодого человека, который совершил невозможное! Он очнулся, впервые в своей жизни, от комы, которая началась с момента его рождения!

– Я позвоню твоему папе, Сэми! – подскочила одна из

медсестер. – Ох, как же он обрадуется!

Голос Сэми еще не окреп, да у руки, с трудом держащие фотографию в картонной рамке, дрожали от усталости. Он попытался что-то сказать, но не смог, его уложили обратно, дали стакан воды, помогли выпить, но голос это не восстановило. А если бы кто-нибудь из них прочитал его мысли, то разрыдался бы пуще прежнего: «Не обрадуются. Они теперь оба ТАМ...».

Три года спустя.

Я, Тобиас Крит, все еще довольно молодой человек, заместитель главы небольшого отдела внутренней безопасности страны, что обычно занимается перекладыванием бумажек и коллекционированием макулатуры, а иногда еще и внедряющий своих агентов в те или иные организации и общества, никак не думал, что буду раскапывать могилу в столь поздний час. Опять Север-3. Опять чертов снегопад в неподходящее время года. Снова пропадают случайные старики. И вот я еду на поезде, уже не прикрываясь личиной видеоблогера. Та же гостиница, тот же ресторан с потрясающе вкусными пельменями. Тот же памятник с сапогом на постаменте. Знакомая замаскированная дверь. Знакомый крутой спуск. Ненавистная круглая комната, в стенах которой когда-то были закованы люди. Вот те же коридоры, которые когда-то вдоль и поперек прочесали агенты, прибывшие на мой

вызов. Из этих катакомб мы вместе вытащили около двенадцати человек. В основном, это были знакомые мне только по фотографиям профессора. Профессор Стейт тогда расплакался у меня в объятиях, обещал, что сделает для меня все, что только сможет. Кэти предусмотрительно накинула на Уотсона простыню, центр которой оттопыривался из-за рукоятки ножа, все еще торчащего из его брэнного тела. Далее были бесконечные допросы. Мы наплели в три короба, очень похожий на правду заранее заготовленный текст, проверили сходимость улик и версий. Попросту выдали Энди за обезумевшего маньяка, мечтавший вернуть жену и ребенка к жизни посредством серии убийств. Полиция и госбезопасность не нашли ничего подозрительного, хотя и удивлялись в предпочтениях маньяка, чье поведение не подходило под обычные рамки. Всегда жертвы были одинаковыми: у кого волосы одного цвета, у кого – глаза, кто-то проститутка или бухгалтер, да и почерк, кроме бессмысленной жестокости, ничем не характеризовался и закономерностей не имел. Стариков тоже научили этим словам. Сказали нагло врать, что до них просто очередь еще не дошла. Но они все были страшно перепуганы от всего этого. А некоторые обезумели от того, что их друзей и коллег пытали до самой смерти. Тогда всех убедила версия о маньяке. Нож вытащили уже из гниющего тела, душа больше не могла вернуться, так что от лезвия можно было избавиться. Хотя я и пробрался на следующий день в морг и вбил в висок десятисан-

тиметровый гвоздь, просто успокоения ради. Тело закопали там же в Севере-3. Никто не пожелал попрощаться, кроме меня и господина Кардинала. Но и он, и я пришли просто убедиться, что гроб сколочен достойно, крышку вбивали не почтовыми гвоздиками, а нормальными, закопали не на обычные полтора метра, а на все три. Опять-таки, все ради безопасности. Стейт ушел практически сразу, как опустили гроб. Он не мог себе простить глубочайшее доверие и слепоту по отношению к Уотсону, хоть его никто и не винил, но вина ржавчиной проедала его цельнометаллический безэмоциональный барьер. Я простоял, пока последний кусок земли ни завершил высокую могилу.

И вот теперь, привыкший к простой жизни, чуть более живой, чем обычно, чуть более финансово обеспеченный и подкаченный, я раскапываю могилу с именем Эндрю Уотсона.

Вот они, последние десять сантиметров мерзлой земли. Фомкой срываю гвозди, открываю крышку. Передо мной совершенно пустой, будто нетронутый гроб, обтянутый изнутри белой тканью. Еще мгновение и я получаю сильный удар по спине чем-то деревянным. Я упал прямо в открытый гроб, кое-как получилось перевернуться лицом к небу. На меня смотрел Энди Уотсон, только с более гладкими чертами лица, куда более молодой и злой, а не просто уставший и разочарованный.

– Сэмуэль?

– Угадал!

Крышка гроба закрывается, все еще включенный фонарик освещает надпись на потолке: «И здесь ты будешь навечно».

– ОТКРОЙ, СЭМ! ОТКРОЙ!